

Валерий Киселёв
Разведбат

документальное повествование

Валерий Киселёв

**Разведбат. Документальное
повествование**

«Издательские решения»

Киселёв В.

Разведбат. Документальное повествование / В. Киселёв —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906733-3

Книга о боевом пути во второй чеченской кампании 84-го отдельного разведывательного батальона 3-й Висленской мотострелковой дивизии. В Чечне батальон выполнял боевые задачи в составе оперативной группы «Запад». Разведчики батальона постоянно добывали ценную информацию о противнике. Батальон выполнил все задачи, поставленные ему командованием. Более 400 солдат и офицеров батальона были награждены орденами Мужества и боевыми медалями.

ISBN 978-5-44-906733-3

© Киселёв В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	8
Глава 1. Страна жила своей жизнью, армия – своей	9
«Он спешил жить...»	11
«Надо мне туда, очень надо!»	12
«Масхадова – отпустить!»	13
«Бежали на встречу со смертью...»	14
«Увидели, что такое война – грязь, кровь, смерть...»	15
«Рота была только на бумаге...»	17
«Куда я попал...»	18
«Парни были – оторви и брось»	19
«Думал, что всё увидел...»	20
«Ну, как мой сын служит?»	21
«На дембель вынесли на руках...»	22
«Тянуло на настоящую службу...»	24
«Получил хорошую практическую школу...»	25
«Дневал и ночевал в части...»	26
«Мечтал служить именно в разведке...»	27
«В бою бы не растерялся...»	28
«Очень скучаю, но я должен отслужить»	29
«Гоняли нас много...»	30
«Пельмени разлепить, дрова – в поленицу»	31
«Уметь работать командой...»	32
Глава 2. «Кончилось мирное время...»	34
«Без оглядки заниматься в поле...»	34
«Отдайте моего ребёнка!»	35
«Ноги в руки и бегом в штаб...»	36
«Я хотел повоевать...»	37
«Война будет некрасивой...»	38
Приказ №01	39
«На нервах, но без аврала»	40
«Произошло всё неожиданно...»	41
«С собой взяли даже гуталин и грабли...»	42
«Ребята, собирайтесь...»	43
«Бойцы были хорошие, только водить не умели...»	44
«А на чём кашу варить?»	45
«Радуйся, едешь!»	46
«Умные были ребята...»	47
«Мы просто поехали...»	48
«Броня – из Чехословакии...»	49
«Из четырёх неисправных машин собрал две нормальные...»	50
«Никто на автоматы не жаловался...»	51
«Это было убитое оружие...»	52
«Деревянный приклад – это деревянный приклад...»	53
«В совершенстве знали только автомат...»	54
Глава 3. Эшелоны идут на Кавказ	55
«Получилось то, что должно было получиться...»	56

«Антенной зацепились за троллейбусную линию...»	57
«Обучались методом тыка...»	58
«Выдали долги за все годы службы...»	59
«Ехали – непонятно куда...»	60
«Но хорохорились многие...»	61
«Всё было покрыто тайной...»	62
«Почти как на свадьбу ехали...»	63
«Я и не думал, что в Чечню попадём...»	64
«В Чечню – к бабке не ходи...»	65
«Сделайте их, ребята!»	66
«Цветы на броню...»	67
«Бойцы вообще ничего не знали...»	68
«Надо искать и таскать...»	70
«Все, кто щёлкал фотоаппаратами, распластались у машины...»	71
«Никто ничего не понимал...»	72
«Подгонять и воспитывать никого было не надо...»	73
«Ура! Мы теперь не одни!»	74
«Оборачивались на каждый шорох...»	75
«Мы в Чечне или ещё нет?»	76
«Учились водить на марше...»	77
«Снимали, паяли, устанавливали...»	78
«Ночью было видно, где идёт война...»	79
«Зачем нам надо уезжать?»	80
«Многие даже плакали...»	81
«Уезжали они со слезами...»	82
«Были спасены десятки жизней...»	83
«От законченных подонков до настоящих героев...»	84
«Выпить – дорогое удовольствие...»	85
«Надо же стресс снимать...»	86
«Пренебрежения к молодым не было...»	87
«На войну, как на заработки...»	88
«Когда протрезвели, свалили по домам...»	89
«С алкашом идти в разведку...»	90
«Хотел заработать на жизнь, а получилось – на смерть...»	91
«Военкоматы набирали пьяниц и бомжей...»	92
«Мне предложили выбрать войну или тюрьму...»	94
«Все рвались в бой...»	96
«Командование требовало: беречь людей!»	97
«Учили опыт первой кампании...»	98
«Сидит стратег за картой и рулит...»	99
«В тылу всё есть, но не на всех хватает...»	100
«Разгрузки купили в магазине...»	101
«За вещь спросят, а людей новых пришлют...»	102
«На нас сэкономили...»	103
«По щеке ножом поскребли – нет, негр!»	114
Группировка готова к броску	115
«Воевать учились на ходу...»	116
Глава 4. Глаза и уши	117
За канавой – Чечня	118

«А где у тебя кто?»	119
«Боевики шастают по тылам...»	120
«Активности „духи“ не проявляли...»	122
«Снаряды летели с рёвом...»	123
«Стрельба – как колыбельная...»	124
Первая информация о противнике	125
«Всё, Быканов, ты лежишь...»	127
«Я благодарен моим солдатам...»	128
«Как я столько таскал...»	129
«Был уверен, что не бросят...»	130
«Подрасту – пойду вас убивать...»	132
«Воздушная разведка не сработала...»	133
«Смотрю на убитых...»	134
«Зато уж точно не отступят!»	135
Боевые будни	139
«Подразделения обеспечения работали, как часы...»	141
«Ведро воды хватало, чтобы помыться...»	142
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Разведбат

Документальное повествование

Валерий Киселёв

© Валерий Киселёв, 2018

ISBN 978-5-4490-6733-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга о боевом пути во второй чеченской кампании 84-го отдельного орденов Александра Невского и Красной Звезды разведывательного батальона 3-й Висленской мотострелковой дивизии. С первых дней контртеррористической операции в Чечне батальон выполнял боевые задачи в составе оперативной группы «Запад», обеспечивал переход российских войск через Терский и Сунженский хребты и наступление на Грозный. Разведчики батальона постоянно добывали ценную информацию о противнике. Особенно тяжёлые бои разведбату пришлось вынести на Гикаловских высотах под Грозным, в Волчьих воротах на входе в Аргунское ущелье, на горе Альпийской, за село Комсомольское и в направлении Харсеноя. Батальон выполнил все задачи, поставленные ему командованием, потеряв при этом около 30 процентов от первоначального штатного состава. Более 400 солдат и офицеров батальона были награждены орденами Мужества и боевыми медалями, два офицера – Александр Хамитов и Пётр Захаров – стали Героями России.

Предисловие

Две войны пережила Россия и её армия в Чечне с 1994 года... Тысячи погибших солдат и офицеров, десятки тысяч – мирных жителей. Сотни тысяч беженцев. И всё это на территории – каких-то 170 километров с севера на юг и 100 – с запада на восток. По географическим понятиям – действительно локальный военный конфликт. Но сколько в нём было пролито крови, и каких усилий стоило разгромить, наконец, противника...

Никто не может дать гарантии, что это был последний локальный военный конфликт на территории России. Нет гарантии, что нашей армии не придётся когда-нибудь воевать и с более серьёзным противником, чем «незаконные бандформирования» в Чечне.

Древние римляне говорили: «Хочешь мира – готовься к войне».

О чём эта книга? О войне, второй чеченской кампании. Несколько десятков солдат и офицеров рассказали, как они воевали в небольшой армейской части – 84-м отдельном разведывательном батальоне 3-й мотострелковой дивизии. Рассказали честно и по-солдатски просто и искренне. Рассказали не для самих себя и своих родных и близких, а для всех нас. Чтобы мы не только знали правду об армии в той войне, но и извлекли из неё уроки на будущее. Чтобы государство и народ готовили свою армию к войне, а не к отбыванию срока службы.

Эта книга для будущих солдат, нынешних кадетов, курсантов военных училищ. Вы сейчас должны знать, что вас ждёт на настоящей войне. Увы, но Россия, её генералы плохо учатся на опыте прошлых войн – Великой Отечественной, Афганской, да и обеих чеченских кампаний.

Парень, который уходит служить в армию или мечтает стать офицером, должен знать, что у него будут гораздо худшие бытовые условия службы, чем у его ровесников из армии потенциального противника. Он должен быть готов к тому, что его могут отправить воевать и при этом не объяснить – куда и, главное, против кого и за что. Он должен знать, что оружие и снаряжение, которые даст ему Родина, почти наверняка окажутся устаревшими, а то и неисправными. Он должен знать, что командовать им будут не только храбрые и умелые офицеры и генералы, но и такие, от которых вреда и горя может оказаться больше, чем от противника.

Может быть, прочитав эту книгу, кадет или курсант, мечтающие стать офицером, передумают связывать свою жизнь с армией. Но, наверное, лучше это сделать до того, как ты наденешь погоны. Гораздо хуже, да и дороже – для государства, для народа – если парень, не подготовленный морально и психологически к службе и войне, уйдёт из армии, прослужив офицером год-два, столкнувшись с тем, с чем в мирной жизни и не предполагал столкнуться. Армии не нужны солдаты и офицеры, воспитанные в духе «ура-патриотизма», на пафосе и патетике, романтике военной службы, но не готовые к невероятным физическим и психологическим нагрузкам, к армейским реалиям.

Лучше десяток парней, заранее знающих, что на самом деле их ждёт в армии, чем сотня курсантов-романтиков, мечтающих о золотых офицерских погонах и парадах, но увольняющихся, столкнувшись с тяготами военной службы и риском погибнуть.

Глава 1. Страна жила своей жизнью, армия – своей

Как и у большинства частей и соединений Советской Армии, история 84-го отдельного разведывательного батальона началась в годы Великой Отечественной. В ходе войны части пришлось менять не только номер, но и специализацию...

Историческая справка:

Во исполнение директивы заместителя Народного Комиссара обороны СССР от 30.04.43 г. в Москве командующий Костеревским танковым военным лагерем начал формирование 98-го отдельного мотоциклетного батальона. В течение мая-августа 1943 г. батальон укомплектовался личным составом и материальной частью.

13 сентября в торжественной обстановке представитель отдела формирования Костеревского танкового военного лагеря полковник Иванов вручил батальону Красное Знамя с наименованием «98-й отдельный мотоциклетный батальон».

20 сентября был подписан акт о сдаче и приёме полностью сформированного 98-го отдельного мотоциклетного батальона в составе 2-х мотоциклетных и 1-й бронетанковой роты, взвода обеспечения и взвода управления. Командиром батальона был назначен капитан Зиборов.

21 сентября был получен приказ командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии: начать погрузку на ст. Бойня г. Москва и отправиться железнодорожным транспортом к новому месту дислокации и поступить в распоряжение командира 31-го танкового корпуса генерал-майора Григорьева.

5 ноября в состав батальона полностью влился 31-й отдельный разведывательный батальон. В результате слияния батальон имел численный состав 451 человек.

Боевые действия батальон начал вести 19 января 1944 г. на Западной Украине. В течение 1944—1945 гг. батальон принимал участие во Львовской операции, освобождении Польши, Германии, Чехословакии. Государственную границу СССР батальон перешёл 25 июля 1944 г. в районе Подгорицы.

19 февраля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение задания командования в боях при прорыве обороны противника западнее Сандомира и проявленной при этом доблести и мужества 98-й отдельный мотоциклетный батальон награждён орденом Красной Звезды.

За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками при овладении городами Ченстохов, Пльебуж, Радум и проявленные при этом доблесть и мужество 98-й отдельный мотоциклетный батальон награждается орденом Александра Невского.

Батальон закончил Великую Отечественную войну 9 мая 1945 года в районе Диршэль (Чехословакия). 4 июля батальон совершил марш более 1000 км и сосредоточился в новом районе постоянной дислокации – г. Простиев.

31.10.1956 г. 98-й отдельный разведывательный батальон был поднят по тревоге для выполнения правительственного задания по подавлению мятежа в Венгрии.

С 20 августа по 20 сентября 1968 г. батальон выполнял боевую задачу разведки в интересах дивизии и армии в Чехословакии.

1.06.53 г. – согласно директивы Министерства Обороны СССР батальон перешёл на штат отдельного разведывательного батальона.

25.03.61 г. – 98-й орб был переформирован в 38-ю отдельную разведывательную роту.

10.04.62 г. на базе роты был сформирован 84-й отдельный разведывательный батальон.

1 мая – годовщина формирования части (приказ Министра Обороны СССР №0020 от 26.03.50 г.)

В 1990 году 84-й отдельный разведывательный батальон был выведен из Чехии в Россию и вошёл в состав 3-й Висленской мотострелковой дивизии 22-й гвардейской Кенигсбергской Краснознаменной общевойсковой армии. Батальон дислоцировался в городе Дзержинске Нижегородской области.

Слово – одному из ветеранов части...

«Он спешил жить...»

Юрий Трубин, полковник в отставке, кавалер ордена Мужества:

– В 84-м отдельном разведывательном батальоне я начал служить в 1988 году, за 11 лет прошёл путь от командира разведвзвода до заместителя командира батальона. С 2005 по ноябрь 2006-го – служил начальником разведки 22-й армии.

В декабре 1994-го, когда начались бои в Чечне, в батальоне была введена повышенная боевая готовность, подразделения находились на усилении охраны военных объектов (складов оружия, баз хранения) и в это же время пришла первая разнарядка на личный состав разведбата для отправки в Чечню.

Первыми откомандированными среди офицеров были майор Иван Бобров, зам. комбата по тылу, старший лейтенант Владимир Жигаленков, зам. командира роты радиоэлектронной разведки по воспитательной работе, лейтенант Андрей Дианов, командир взвода разведывательной десантной роты. Они участвовали в новогоднем штурме Грозного и вернулись в батальон весной 1995-го года. Ездили в командировки в Чечню и солдаты. Они честно выполнили свой долг, многие были награждены боевыми медалями. В январе 95-го в составе 245-го мотострелкового полка старшиной разведроты уехал в Чечню прапорщик Андрей Белоногов, он прошёл с полком до Шатоя, награждён медалями «За отвагу» и Суворова.

Каждый месяц в Чечню из батальона убывали офицеры и прапорщики. Одним из них был зам. командира батальона по воспитательной работе майор Валерий Юрьевич Косарев. В батальон он прибыл из Закавказья в 1993 году, вместе с ним прибыли старший лейтенант Сергей Антонов, Александр Шленсков, Володя Жигаленков – он воевал в разведроты 245-го мотострелкового полка, после ранения вернулся в батальон летом 95-го года. Имеет награды.

Майор Валерий Юрьевич Косарев мало походил на замполита. Это был совершенно не кабинетный замполит. По своему духу и характеру он был больше командиром. С первых дней службы он стремился на полевые занятия, стрельбы, вождение. Именно эти его качества вызывали огромное уважение к новому офицеру.

Он был назначен куратором разведывательной десантной роты (я был её командиром) и наше взаимное общение стало еще более тесным. Любой командир скажет, что нет ничего хуже, когда на стрельбах, вождении «висит» у тебя на шее какой-нибудь контролёр или проверяющий. С Косаревым было по-другому: он никогда не вмешивался в ход занятий. Мы могли поспорить и наорать друг на друга, но на занятиях – никогда. Он был в роли обучаемого, а иногда становился руководителем учебной точки и проверял занятие под моим руководством, и ничего зазорного в этом не видел, и объяснял бойцам, что хочет сам разобраться и понять сущность процесса подготовки разведчика-десантника. У него был не просто опыт службы, а боевой опыт службы в Закавказье. Валерий Юрьевич выезжал с ротой на прыжки в Чучково и учился, как боец, и прыгал с парашютом. Мне казалось, что он спешил жить, спешил всё успеть.

«Надо мне туда, очень надо!»

– В январе 95-го он практически каждую неделю писал рапорта откомандировать его в Чечню, а в общении со мной говорил: «Юра, понимаешь, не могу отправлять вас туда, рассказывать сказки про всё хорошее, когда сам там не был. Совесть мучает, когда людей отправляю. Надо мне туда, очень надо!» И, наверное, с десятой попытки он добился командировки в состав 166-й отдельной мотострелковой бригады, пропагандистом бригады. Но это был не тот человек, чтобы на войне быть в тылу, и я не удивился, что он был назначен начальником разведки бригады. Вместе с ним уехал в Чечню из батальона и старший лейтенант Андрей Бирюков. А через неделю прибыл в бригаду и я, был назначен старшим помощником начальника разведки бригады, естественно, по решению Косарева.

Разведка бригады была поделена на два разведотряда, одним командовал майор Косарев, вторым – я. Мы выполняли специально-боевые задачи в районах Белготоя, Мескерт-Юрта, Автуры, Сержень-Юрта, Шали, Старые и Новые Атаги, Чечен-аул, в Шатойском и Веденском ущельях.

«Масхадова – отпустить!»

– 4 ноября 1995-го года отряд возвращался после выполнения задач в районе Мескерт-Юрта и при выходе на трассу Грозный – Шали головной дозор доложил, что наблюдает четыре автомашины – «Нива», «Волга» и две «Жигули». Эти машины находились в разработке, т. к. неоднократно были замечены в местах подрывов наших колонн.

Мы блокировали колонну в районе цементного завода, из машин вылезли боевики в готовности открыть огонь, но мы их упредили и без выстрелов заставили сдать оружие. Из «Волги» вышел седой мужчина в камуфляже. Это был Масхадов. Он предъявил мандат уполномоченного для ведения переговоров. Но у нас не было никакой информации о том, что будут переговоры. Мы чётко знали, что Масхадов – начальник главного штаба Вооруженных Сил Ичкерии, а значит – враг.

Я доложил по радиации в бригаду, что задержал Масхадова. Решения ждал долго. Стоим друг против друга – тишина была гробовая, слышно комара за десять метров...

Далее стоит процитировать документ:

Из выступления начальника разведки Сухопутных войск генерал-лейтенанта Скрыбина на научной конференции в общевойсковой академии ВС РФ:

«В этот период вновь отличились разведчики 166-й отдельной мотострелковой бригады. Осуществляя досмотровые действия на блокпосту в районе цементного завода, разведывательный дозор остановил четыре автомашины. Действуя четко и стремительно, разведчики разоружили и захватили дудаевцев. Среди пленных оказался и начальник главного штаба ВС Чеченской республики Ичкерии Аслан Масхадов. Однако после доклада в штаб ОГВ на Ханкалу был получен категорический приказ командования вернуть задержанным документы, оружие, автомобили и отпустить. Подобные случаи не могли расцениваться разведчиками иначе, как предательство».

Юрий Трубин:

– Я, как, наверное, и все в отряде, получив такой приказ, злой был на весь белый свет. А в бригаду вернулся с чувством, что мне в душу очень сильно нагадили.

«Бежали на встречу со смертью...»

– 13 декабря 95-го, в пятницу, я готовился к выходу на задание, но вдруг получил приказ не выходить. Комбриг полковник Цыганков решил дать мне передохнуть. Но немного позже меня всё же вызвали на ЦБУ (центр боевого управления – авт.) бригады и я получил приказ сопровождать в Шатой колонну 245-го полка с хлебом, т. к. пришла информация, что с гор пришла банда в район Старые Атаги, а у колонны своего боевого охранения не было.

Я решил весь отряд не выводить, а взять три боевых машины, и вышел на сопровождение колонны. Уже трогаясь из расположения бригады, увидел двоих человек, бегущих ко мне. Это были майор Косарев и его радист Алик Хакимов. Это сейчас я понимаю: они же бежали на встречу со смертью... Валерий Юрьевич решил пойти со мной: «Давно в горах не был».

Колонну сопровождали без проблем и на обратном пути, на 30-м блокпосту, нам передали информацию, что в район Новые Атаги вышла банда численностью 15—20 человек и организует свой блокпост на окраине этого села. Решение было принято: пока они не закрепились – атаковать и уничтожить. Прикрывшись ГАЗ-53, шедшей в село, мы ворвались на блокпост. Практически одновременно открыли огонь мы и боевики. Уже много позже нашел доказательства: это была засада, нас подставили.

В ходе боя мы оказались рядом с Валерием Юрьевичем, и я узнал, что он ранен в ногу и в грудь. Его радист Алик Хакимов погиб раньше – пуля попала прямо в сердце, и нас осталось пятеро на дороге под хорошим прицельным огнём бандитов.

Я могу восстановить этот бой до мелочей, от начала до конца, хотя практически в конце его был ранен, но не вижу смысла, да и горько вспоминать...

«Духов» разгромили, позже, в госпитале, я узнал, что мы в этом бою уничтожили 14 бандитов, но потеряли и настоящего офицера, человека с большой буквы майора Валерия Юрьевича Косарева. Все бойцы, что были с нами в этом бою, получили ранения.

Когда нас с ним, раненых, грузили в БМП, мы ещё некоторое время разговаривали, потом я потерял сознание. Валерий Юрьевич скончался на операционном столе медроты бригады. Пуля дошла до сердца. Майора Косарева, посмертно, и меня наградили орденами Мужества. Так волею судьбы мы стали первыми кавалерами этого ордена в батальоне.

Весной 96-го в командировку в Чечню уехал командир 1-й разведроты капитан Сергей Антонов. Он тоже был награждён орденом Мужества за многие операции, принимал участие в августовских боях в Грозном.

«Увидели, что такое война – грязь, кровь, смерть...»

Андрей Бирюков, начальник штаба батальона, майор:

– В 1991 году я окончил Дальневосточное общевойсковое командное училище. До этого отслужил срочную там же, на Дальнем Востоке. Нам в училище говорили: тактику на «пять» знает Суворов, преподаватель – на «четыре», а вам больше «тройки» не положено.

Четырнадцатого августа 91-го я прибыл в часть, в Туркмению, в развёрнутый мотострелковый полк в Кушку. Служил командиром взвода, командиром взвода учебных машин, всё время в поле. Скоро начался развал Союза. Уезжали украинцы, белорусы, а нас, русских офицеров, не отпускали. Постепенно уехали почти все офицеры. Нагрузка была такая, что я в караулы ходил через день. Когда нашу 5-ю гвардейскую мотострелковую дивизию переименовали в дивизию имени туркменбаши Ниязова, стал предпринимать попытки перевестись в Россию. Уезжал из батальона последним взводным, в феврале 93-го. Надо было уезжать...

Поскольку я родом из Дзержинска, в штабе округа меня направили в 84-й орб. Попал во вторую роту командиром взвода. В роте было всего восемь солдат, в отдельных взводах – ремонтном, например, побольше. Время было такое, что матери не пускали сыновей в армию. Начали набирать в армию женщин, по контракту, у нас в роте их было четверо. О боевой подготовке речи почти не было. Более-менее она началась в 1997 году.

Когда началась первая кампания в Чечне, туда направили группу офицеров батальона. Первые офицеры и прапорщики у нас уехали в декабре 94-го, мы были очередные. Поехали я и зам. комбата по воспитательной работе майор Косарев, следом за нами – майор Трубин, командир РДР. Попали мы в 166-ю отдельную мотострелковую бригаду. Начальником разведки был майор Косарев, а мы у него помощниками. Бригада в это время стояла под Шали. Находился в Чечне с 23 октября 95-го по 13 февраля 96-го. Увидели, что такое война – грязь, кровь, смерть... Разведдозоры сопровождали колонны, через день ездили в Грозный. Вели разведку местности. В Чечне в это время я получил больше жизненного опыта.

Когда вернулись домой, батальоном в это время командовали сначала капитан Федорченко, потом майор Миронов. В 97-м году меня с должности командира роты назначили старшим помощником начальника штаба. Начштаба был майор Трубин, потом он стал зам. комбата, а начштаба – майор Дорогин.

Владимир Самокруткин, командир 84-го орб, подполковник, кавалер ордена Мужества:

– Командиром батальона я был назначен в июле 96-го. Часть была кадрированная, личного состава насчитывалось всего 36 человек. Армия в это время своими наиболее боеспособными силами находилась в Чечне. И после первой чеченской кампании армия в целом ещё весьма долго была в тяжёлом положении.

Из личного дела. Прохождение военной службы:

Самокруткин Владимир Васильевич... в 1983 году окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище.

С июля 1983 года – командир мотострелкового взвода 112-го гв. мотострелкового полка.

С июля 1987 года – командир роты обслуживания и обеспечения 13-го гв. корпуса.

С декабря 1989 года – начальник штаба мотострелкового батальона 236-го мотострелкового полка 2-й гв. мотострелковой дивизии.

С августа 1992 года – старший помощник начальника штаба по мобилизационной работе 84-го орб.

С июля 1994 года – начальник штаба 84-го орб.

Анатолий Маняк, командир роты радиоэлектронной разведки, капитан:

– В батальоне я с 1992 года. Окончил Череповецкое высшее военное инженерное училище радиоэлектроники. Начинал лейтенантом. Четыре года служил командиром взвода, потом пять лет командиром роты. Сначала батальон был развёрнутый, потом в 95-м его сократили. Второй раз сократили в 96-м. В 97-м году батальон опять развернули...

«Рота была только на бумаге...»

Алексей Трофимов, старшина разведывательной десантной роты, старший прапорщик, кавалер ордена Мужества:

– Срочную служил в погранвойсках, в Забайкалье, после дембеля год поработал на стройке, а потом решил вернуться в армию. Сначала служил в разведроте 237-го танкового полка. В батальоне я с 1993 года, сначала старшим водителем БРДМ, потом командиром отделения, зам. командира взвода.

Я числился в 4-й роте, радиоэлектронной разведки, а отвечал за разведдесантную, одно время исполнял обязанности командира роты, поддерживал её состояние, которая была тогда только на бумаге. Пережил в батальоне два сокращения. Бывало, что проверяющих приезжало больше, чем нас было в батальоне

Каким конкретно было это положение – страны и армии – глазами одного из молодых офицеров батальона...

«Куда я попал...»

Александр Соловьёв, командир разведывательного десантного взвода, старший лейтенант, кавалер трёх орденов Мужества:

– Ещё в школе я серьёзно увлекался рукопашным боем, борьбой, восточными единоборствами, скалолазанием, экстремальными видами спорта. В 16 лет бегал по 15 километров по пересечённой местности. Имел все спортивные разряды, был капитаном команды по спортивному ориентированию и туризму. Очень любил движение. Я был своенравный смальства, всегда выходил на конфликтные ситуации, для меня страшней всего было подчиняться, выполнять чью-то волю. И, тем не менее, пошёл в военное училище, выбрал факультет войсковой разведки. Вступительные экзамены сдал легко, да и конкурс был небольшой – армии тогда все боялись. Акцент в училище был на физподготовку, а у меня – куча спортивных разрядов. Готовили нас хорошо. После училища хотел служить в 201-й мотострелковой дивизии, в Таджикистане, написал рапорт, что хочу туда добровольцем. Генерал, начальник училища, на выпуске сказал: «Спасибо за любовь к Родине», и вручил конверт с назначением в Московский военный округ.

Приехал в штаб МВО, мне предложили служить в Кантемировской дивизии. Когда понял, что это под Москвой, отказался: «Чем ближе к начальству, тем больше бардака». – «А что подальше есть?». – «Есть, в Дзержинске, разведбат». – «Туда!» – «Ты что, это же химический центр страны!». В часть приехал пораньше, отпуск ещё не закончился. Пришёл представляться командиру батальона. Меня определили в общежитие, в модуль, я тогда не знал, что это такое. Жильё для офицеров – как мусорная свалка, гадюшник полный. Через бумажные стены четырёх комнат слышал, что там делает супружеская пара. Утром мне на лицо прыгнула крыса, когда открыл сумку, чтобы достать продукты – оттуда серая масса тараканов. Ого, думаю, сколько живности! Чайника нет, ставлю в стакан кипятильник. Пошёл умываться, прихожу – вода вскипела, засыпал чай, хлебнул и выплюнул на пол – одеколон! Оказалось, что просто вода здесь отдаёт запахом одеколона. Тогда я понял, что такое химический город и куда я попал.

Принял свой первый взвод. Скоро начали разворачивать батальон, практически с нуля. Но где взять столько солдат, тем более разведчиков? Простого танкиста, пехотинца не возьмёшь в разведроту. Командир дивизии приказал укомплектовывать батальон самыми лучшими. Прислали первую партию «самых лучших». Какой командир отдаст из своей части в другую самого лучшего бойца? Когда я увидел эту первую партию, у меня слёзы на глазах выступили: проще было бы набрать в ближайшем дисбате. Были такие, что даже на офицеров кидались с кулаками.

Скоро начали расформировывать какие-то подразделения ГРУ. Естественно, хороших солдат отобрала себе Чучковская бригада спецназа, а всех оставшихся – с патологиями, больной психикой, с криминальными наклонностями, недовесков – к нам в батальон. Были во взводе, такие «бойцы», что тельняшки на себе рвали, показывали мне пулевые, ножевые ранения. Раза три обещали меня зарезать, на КПП их «братва» меня вызывала. Случалось вытаскивать солдат из КПЗ за драки с милицией. Это был кошмар! Совещания по дисциплине у командира батальона подполковника Самокруткина начинались в 19 часов и заканчивались в 23:00. Так полгода и собирали народ в батальон. Потом расформировали взвод Президентского полка. Это были уже совсем другие солдаты: идеальная строевая подготовка, отличное знание оружия, в глазах – блеск и интеллект. Практически все они через неделю получили сержантские должности. Какая могла быть дедовщина, если сержант – из Президентского полка. Зарывавшихся «дедов» они сразу под ноготь брали. Разбирались с такими «дедами» в своём коллективе, и жёстко.

«Парни были – оторви и брось»

Алексей Трофимов:

– Личный состав в 1997 году – да, это был ужас. Присылали к нам из всех частей таких, кто был там не нужен. Были и пьянки среди личного состава. Попадались такие отморозки... Парни были – оторви и брось, но с ними было легче, чем с маменькиными сынками, которые не хотели служить. Эти хоть здоровые были.

«Думал, что всё увидел...»

Александр Куклев, начальник разведки 3-й мотострелковой дивизии, подполковник:

– Я пришёл в дивизию в феврале 1998 года. До этого 20 лет прослужил на флоте в морской пехоте, на кораблях. Думал, что всё увидел. Однако обстановка в батальоне меня шокировала. Помню, с Самокруткиным договорились не скрывать от командования факты грубых нарушений воинской дисциплины, происшествий. В результате посадили за решётку около 10—12 человек. Только это помогло стабилизировать в батальоне ситуацию с дисциплиной.

Андрей Бирюков, начальник штаба батальона, майор:

– Да, бардака хватало. Помню суды, сажали солдат за грабежи, за дедовщину. Когда из Президентского полка в батальон пришли несколько десятков человек, обстановка изменилась к лучшему.

Из армейских перлов:

- *Дисциплина в роте лучше, чем я ожидал, но хуже, чем я думал.*
- *Ваш выход из казармы похож на убийство беременных в роддом!*
- *Все как один – на кросс! Не можешь бежать – ползи, но все равно иди.*
- *Ваш мозг – целина, и моя задача вспахать её на глубину извилины от фуражки!*
- *Ваши обязанности на оперативном дежурстве заключаются в чётком и быстром маневрировании между ведром с водой, электрическим чайником и офицером.*

«Ну, как мой сын служит?»

Александр Соловьёв:

– Я жил в казарме, у меня была своя койка у входа. Зарплату нам тогда не платили вообще по полгода. Приехали нас в батальон семь лейтенантов, через год осталось четверо, а к началу чеченской кампании – двое. Остальные лейтенанты – кто куда на «гражданку». Без денег было так туго, что вынужден был отправлять солдат, у кого родители живут в деревне, за мясом. Спрашиваю у солдат: «Кому куда ехать? Кто хочет домой?». Лес рук: «Я, я, я!». «Рюкзак мяса привезёшь? Неделю я тебя не вижу, но если через неделю не приедешь – ты попал». Приезжает – мясо есть, мы живём. Конечно, всё это было в тайне от командиров роты и батальона. Солдаты в окрестностях части всех собак перерезали, на мясо. Бывало – шкуру с собаки снимаешь и ешь, надо было только умело приготовить. А так – мясо и мясо... Вина в такой нашей жизни – на государственстве в целом, а не на командовании.

Бывали времена, когда мой рацион питания составлял два пакетика китайской лапши в день. Доходило до того, что в солдатскую столовую ставили кордон из прапорщиков, они цеплялись локтями и отсеивали офицеров. Пускали только солдат, а офицеры – как хочешь. Бывало, что офицеры переодевались в солдатскую форму, чтобы хоть кашки хапнуть. Потом бойцы стали воровать мне кашу из столовой, через форточку передавали. И в таких-то условиях службы была и боевая подготовка! Мы по-своему жили, страна – по-своему. Мы не спрашивали, что нам государство должно, законов не знали, знали, что нельзя бастовать, ходить демонстрациями, ничего нельзя. Боевая подготовка и больше ничего. А платят, не платят зарплату – как-то выкручивались.

И солдаты, не все, но были и очень хорошие. Помню своего сержанта Петра Линника – потомственный казак. Приехал в часть его отец с делегацией, поставил мне трёхлитровую бутылку самогона, рядом положил нагайку и спрашивает строго: «Ну, как мой сын служит?». А парень был – из Президентского полка, рослый, красивый, старший сержант. Отвечаю: «Он у вас молодец!» – «Ты правду говори! Если хороший – пей, если плохой – секи его!» Смотрю – а в кончике нагайки – свинец. Неделю нас этот казак поил-кормил. А погиб его сын на учениях, ещё до войны. Тогда на огромной скорости иномарка какого-то крутого чиновника въехала в колонну роты, когда шли по дороге. Трёх солдат искалечил, а этого сержанта – насмерть. Водитель вылез из машины, видит, что к нему бегут солдаты, испугался и уехал.

Александр Куклев:

– Из-за отсутствия топлива личный состав перемещался на ДУЦ (дивизионный учебный центр – авт.) пешком. С одной стороны дело хорошее – дополнительная попутная тренировка. А с другой – безопасность перемещения личного состава была нарушена. Дорога замаскирована снегом, сугробы большие, вот и шла рота по проезжей части. Даже штатные меры предосторожности – фонарики, флажки в голове и хвосте колонны не помогли.

Виноватым сделали командира роты. Уволили.

«На дембель вынесли на руках...»

Александр Соловьёв:

– Опять приехали казаки, разбираться. У них было своё расследование, но пришли к выводу, что вины командования нет. А через полгода началась война.

Или Паша-цыган, был у меня такой солдат... У него где-то табор был недалеко. Сам пришёл: «Хочу служить в ВДВ!». – «Пойдёшь в разведбат?» – «Нет, не пойду, хочу в десант!». – «Там есть десантная рота...». А маленький такой... И через полгода службы он уже неформально ротой управлял! Были у него свои замполитские секреты... Не пил, не курил, в самоволки не бегал. Очень дисциплинированный, всё что даёшь – моментально впитывал. Был он не по годам взрослый – суровое детство в таборе, законы цыганские, общак, понятия. Человек из табора или из глухой деревни – это разные люди. Паша был – как угорь. Сразу наладил контакты с дембелями, с разными подразделениями полка, всё и всех знал, у всех завоевал авторитет. Вышел на дагестанскую диаспору, стал пограничным звеном между ней и нашими солдатами. Пришёл приказ: набрать в батальон побольше ростом, а он был – 155 см, чуть не на колени упал, чтобы оставили, слёзы текут. – «Я уйду, если не оставите! Я буду служить в этой роте! Я – цыган, я сказал, я – сделаю!». Спросишь его: «Паша, что – дедовщина в роте есть?» – «Сам увижу – голову отрежу!». И к его мнению все прислушивались. Чем брал? Он беседовал, логически доказывал и убеждал. Стал ефрейтором и с гордостью носил эту лычку. Все стеснялись, а он носил с гордостью. Ефрейтор – это старший солдат, это мудрый солдат. Он таких «мастодонтов» учил! Паша-цыган в роте был как серый кардинал. И все знали, что его ударить нельзя, за ним авторитет. Конфликтов с ним никто не хотел. На дембель его бойцы – в берете и тельняшке – вынесли на руках, торжественно, с почётом передали в табор, который ждал его у КПП. И табор ушёл с ним с песнями! Достоинейший был солдат.

*«А я остаюсь с тобою
Родная моя сторона,
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна...»*

У каждого из солдат, сержантов и офицеров батальона остались свои воспоминания о том времени...

Салех Агаев, заместитель командира батальона по воспитательной работе, майор:

– В батальоне я начал служить с марта 99-го. Как раз батальон был переведён на новое место дислокации. Занимались благоустройством военного городка, я сразу же начал изучение личного состава. Основной костяк в части был, но в мае началось увольнение в запас личного состава, отслужившего свой срок службы.

Ездил в учебку в Ковров за специалистами. Брал с собой, для рекламы, здоровых, симпатичных сержантов, поэтому, наверное, глядя на них, в учебке много было желающих служить в разведбате. Тогда же привёз из учебки механика-водителя Курбаналиева, он был дагестанец. Помню, что тогда комбат Самокруткин мне сказал: «В батальоне должны быть преимущественно славяне, но если ты выбрал, то так тому и быть». В Эльдаре Курбаналиеве я не ошибся. Когда в августе начались события в Дагестане, он подошёл ко мне, попросил отправить его туда. Тогда я ему отказал: надо служить в батальоне. Волею судеб он скоро поехал на Кавказ, но уже с батальоном. В бою под Дуба-Юртом Эльдар совершил подвиг, погиб, как герой.

С получением пополнения началась планомерная боевая подготовка, слаживание рот, боевые стрельбы.

«Тянуло на настоящую службу...»

Яков Чеботарёв, командир разведывательного взвода наблюдения, старшина:

– Перед тем, как прийти в батальон, я двенадцать лет отслужил в милиции, в спецотделе по сопровождению грузов, был старшим лейтенантом. В конце 80-х годов в МВД началось сокращение. Пришлось уйти из милиции, какое-то время занимался коммерцией. Тянуло на настоящую службу. Потом, по рекомендации одной знакомой пришёл в разведбат. Ничего не видел зазорного в том, что из старшего лейтенанта милиции превратился в старшего сержанта. Начал зам. командира ремонтного взвода, потом командовал взводом материального обеспечения и, наконец, разведывательным взводом наблюдения, на этой должности и уехал в Чечню...

Андрей Середин, заместитель командира разведывательной десантной роты по воспитательной работе, капитан:

– Я пришёл в батальон летом 1999 года вместе с майором Паковым, когда расформировали нашу роту спецназа ГРУ. С 1 июля 99-го года меня назначили на должность командира взвода разведдесантной роты. Хотел служить именно в разведке. Ротой командовал старший лейтенант Гагарин, он тоже пришёл из спецназа. А службу в армии начал в 92-м, после окончания Ташкентского танкового училища получил назначение в десантную бригаду в Туркмении. Два раза был в командировке в Чечне во время первой кампании. Затем до 98-го года служил в ВДВ, а в феврале 98-го получил назначение в роту спецназа ГРУ.

«Получил хорошую практическую школу...»

Александр Хамитов, командир 2-й разведывательной роты, старший лейтенант, Герой России:

– В батальон я перевелся в 1997 году. На тот момент часть была сокращённого состава. Скоро пришли бойцы, и закипела служба. Моим ротным был капитан Антонов Сергей Иванович – офицер с боевым опытом, настоящий профессионал.

Начал службу командиром взвода, получил хорошую практическую школу. В 1999 году стал командиром 2-й роты. Рота оказалась сложной, но общий язык с коллективом нашёл. Особая благодарность старшине Валерию Олиенко – командиру отделения управления. На момент, когда я стал ротным, командиров взводов не было – он оказал мне неоценимую помощь.

«Дневал и ночевал в части...»

Валерий Олиенко, командир отделения управления 2-й разведывательной роты, старшина:

– Круг моих обязанностей был простой: обувать, одевать личный состав, спать укладывать, поднимать, водить в столовую и в баню. Дневал и ночевал в части.

Александр Хамитов:

– В мае пришли командиры взводов, выпускники Новосибирского училища – «Ковыль», «Акула», «Шумахер». Выпуск 1999-го был досрочным. Предполагаю, что уже тогда руководство страны начало подготовку к новой кампании в Чечне, поэтому, возможно, летом не было проблем с горючим, боеприпасами во время полевых занятий. Я очень благодарен моим офицерам – несмотря на молодость, они знали своё дело, а я помогал им всем, чем мог.

Вообще выпуск 1999-го в Новосибирском военном училище был лучшим.

Летом 1999 года было проведено много полевых занятий, бойцы получили достаточную подготовку для того, чтобы не погибнуть в первом бою. Война это подтвердила.

Валерий Олиенко:

– У нас в роте все пацаны подготовлены были нормально. Не скажу, что все солдаты были образцовые. Были, конечно, слабаки, два-три раза подтягивались, но они туда не подтягиваться ехали. Стрелять умели. Физическая подготовка была более-менее нормальная.

Владимир Паков, зам. командира батальона, майор, кавалер трёх орденов Мужества:

– Уровень боевой подготовки в роте спецназа, которой я командовал, и в батальоне, куда меня перевели – это небо и земля. Я отвечал в батальоне за боевую подготовку. И сам в Чечне ходил с группами. Для меня это было необязательно, но как тогда научишь командиров групп? Шёл и подсказывал, подталкивал к принятию какого-то решения. Война – такая школа, что научит быстро. Пока шли по равнине, успели ребят подготовить.

«Мечтал служить именно в разведке...»

Егор Кляндин, командир взвода РДР, лейтенант:

– Ещё в школе я мечтал служить именно в разведке, поэтому в 1994 году поступил в Новосибирское высшее общевойсковое командование училище на разведывательный факультет. По окончании учёбы попал в разведроту 245-го мотострелкового полка. На выходные приехал в Нижний Новгород, встретил своих однокашников лейтенантов Миронова, Захарова, Кузнецова, Дашкина, которые служили в разведбате, и, не задумываясь, пришёл к их командиру, подполковнику Самокруткину, на собеседование. В августе меня перевели в батальон на должность командира взвода специальной разведки РДР. А вот моё знакомство с личным составом взвода произошло уже в Моздоке на аэродроме, поскольку я был в отпуске и догонял батальон с подразделениями 752-го полка.

Конечно, подготовка личного состава была не на высоте, солдаты были разного призывного возраста. Но адаптация солдат к нашей предстоящей работе шла уверенно.

Мне повезло, что вскоре в группе стал очень сильный личный состав, знающий свои обязанности и работу. Это контрактники Алексей Куценко, Пётр Ерохин, Олег Кучинский, Сергей Вихрев, Дмитрий Сергеев. С первого дня службы мы понимали друг друга. Такие контрактники помогали офицерам роты во всём. Да и ребята-срочники смотрели на них и старались подражать.

«В бою бы не растерялся...»

Андрей Мещеряков, разведчик-пулемётчик:

– Я был призван из Рязанской области в 1998 году, сначала попал в Нижний Новгород, в роту спецназа. Прослужил четыре месяца, старшим радистом, ещё с полгода находились при расформированной части, а потом нас, группу срочников, перевели в разведывательный батальон на должности пулемётчиков-разведчиков на БТР. Сразу началась боевая учеба, Занимались каждый на своей должности, я – наводчиком на БТР. Были полевые выходы на ДУЦ. В службе чувствовал себя вполне уверенно. Практика стрельб была, такая, что, по крайней мере, в бою бы не растерялся.

«Очень скучаю, но я должен отслужить»

Из письма рядового Александра Коробки:

Здравствуйте, мама, папа, Лёха и Сережка! С огромным приветом пишет вам письмо солдат из разведдесантной роты Саня. Мама, у меня всё нормально, всё по-старому, уже отслужил 3 месяца, а домой охота, как будто дома не был 10 лет.

Мама и папа, большое спасибо за посылку, всё дошло. Спасибо, папка, что подсказываешь, что надо в армии. Мама, сколько раз я тебе пишу, что пока ничего не посылай – ни посылок, ни бандеролей, ни денег. А ты в каждом письме об этом пишешь – что я к тебе приеду. Мама, не надо, ты подумай, сколько денег надо, нервов. Лучшие себе что-нибудь купите, да и сама болеешь, и папка мешки потягает, а потом лежать будет, да и в школу Лёху провожать и Сережке надо. А ты, мам, в каждом письме про деньги и посылки. Мне ничего не надо, всего хватает, да не позорь, пожалуйста, разведывательно-десантную роту. Пацаны скажут: «Прослужил 3 месяца, а уже пишет: «Мама, вышли сала». Мама, ты не обижайся, что я так пишу, я любя, просто я знаю, как вам трудно самим. Болеее, да ещё на меня тратиться.

Мама, я очень скучаю, но я должен отслужить. Я очень горжусь, что попал в разведывательно-десантную роту. Это рота быстрого реагирования, если какая беда, мы – первые туда. Уже прыгали с парашютом. Первый раз было страшно.

Мама, Лёха пусть учится, и Сергей тоже, и вам помогают. Мам, я очень скучаю без вас. Хотя бы быстрее отслужить и сильно обнять тебя. Я очень люблю тебя. Пусть пишет Сергей.

Ваш сын Санёк.

*Вся служба пройдёт незаметно,
Вернусь я в родные края,
И встретит меня у порога
Родная, любимая мама моя.*

Жду ответа.

Дембель 2000 г.

Эх, Саша, если бы ты знал, какие нечеловеческие муки тебе скоро предстоят...

«Гоняли нас много...»

Евгений Липатов, старший разведчик-пулемётчик на БРДМ:

– Меня призвали в армию 6 декабря 1998-го. Полгода был в танковой учебке в Федулово, готовили нас на наводчика-оператора на танке. После учебки попал в 237-й танковый полк, в разведроту, на БРДМ (боевая разведывательно-десантная машина – авт.), назначили старшим разведчиком-пулемётчиком. Пришёл тогда командир роты разведки: «Мне бойцы нужны. Кто пойдёт по желанию?». Мы и согласились, вдвоём с другом. Пришлось немного переучиваться.

Месяца два служили в части, а потом нас перевезли в ДУЦ (дивизионный учебный центр – авт.). Начались полевые занятия по тактике, огневая подготовка. По своей специальности чувствовал себя вполне уверенно. Тогда из части как раз направляли людей в командировку в разведбат, там был некомплект, меня с ними и послали. Попал во вторую роту, командиром её был старший лейтенант Хамитов. Всё лето были на полигоне, жили в полевых условиях. Сначала были соревнования разведрот дивизии, потом учения, и так – всё лето, гоняли нас много....

Из армейских перлов:

– *Бинокль не для того, чтоб прелести рассматривать у мимо проходящих, им требуется снайперов засекать, точки противника!*

– *Боевой листок – это не газета какой-нибудь партии, и нечего в нём голых баб рисовать!*

– *Будем наводить порядок на территории и за. А у кого с головой не всё в порядке, бросим на туалет в оздоровительных целях, нюхать аммиак.*

– *В казарме беспорядок! Осталось в туалете поставить вигвам и развести там гарем!*

– *Десять минут перекурить и через пять минут строиться.*

– *Доказано, что смена рода деятельности – самое лучшее средство отдыха: устал от строевой, поучи Устав. Устал от Устава – иди малость помаришуй!*

«Пельмени разлепить, дрова – в поленицу»

Михаил Курочкин, гранатомётчик, рядовой:

– Я был призван в армию 12 мая 1998 года из Костромской области. Первым командиром нашей роты был капитан, он воевал в первую кампанию в Чечне, но скоро уволился. Назначили нам молодого лейтенанта, но и он пробыл недолго. Потом командиром нашей роты стал старший лейтенант Хамитов. Он каждого солдата вызывал по одному в кабинет для знакомства – всем нам очень понравился, как командир. Стали ездить с ним на стрельбы, учиться подрывному делу. Один раз на полигон приехал Нижегородский СОБР, соревноваться с нами. На полосе препятствий мы их победили. Командир СОБРа сказал тогда: «Пацаны, давайте к нам после службы». Занимались мы серьёзно. Из РПГ (ручной противотанковый гранатомёт – авт.) стрелял много раз. Я на себе носил «шайтан-трубу», два выстрела к ней, две «Мухи» (гранатомёт одноразового использования – авт.) и огнёмёт «Шмель». Плюс автомат, конечно, и боекомплект к нему.

В начале лета 99-го в батальон приехал подполковник Куклев, отбирать желающих из тех, кто отслужил больше года, в Югославию, по контракту. Нас из батальона согласился 21 человек. Начали уже готовить документы. Зарплату обещали по тысяче долларов, почему бы не съездить! Но комбат сказал: «Я никуда не еду, и вы никуда не поедете». Никуда и не поехали... Просто дали в Москве команду: «Пельмени разлепить, дрова – в поленицу». Служили дальше, ездили на стрельбище... Командирами взводов в нашей роте были лейтенанты Иванов, Миронов и Дашкин. Замполит роты – лейтенант Орлов. Он был двухгодичник. Нормальный мужик. Потом он уволился, и на эту должность пришёл старший лейтенант Шлыков.

Александр Куклев, начальник разведки дивизии, подполковник:

– Дислокация частей дивизии, их организационно-штатная структура не самым лучшим образом способствовала качественной организации боевой подготовки. Батальон к этому времени из Дзержинска передислоцировали в центр Нижнего Новгорода, в городок, где располагалось училище тыла. Чтобы готовить экипажи боевых машин, необходимо было держать на учебном центре часть штатной техники, обслуживать, охранять её. Для этого необходимо содержать там людей. В итоге качество подготовки экипажей страдало.

Из армейских перлов:

– *Если русский в поле ехал, так он брал с собой шмат сала, буханку хлеба и литр водки. А эти на полигон приехали и ждут, что им что-то подвезут.*

– *Если у вас есть какие замечания, предложения, высказывайте сейчас, а то вы всегда так: сейчас молчок, а как генерал приедет, так и выдаете всё в лоб, как нож в спину...*

– *Отжимайтесь, пока не найдёте щётку.*

– *В армии все решается просто: на добровольно-приказном порядке.*

– *Для солдата субботник – это дело добровольное, а не так, что хочешь – участвуешь, а хочешь – нет.*

– *В армии виноват не тот, кто виноват, а тот – кого назначат.*

– *В армии все должно быть однообразно: покрашено, подстрижено и посыпано песком.*

Каким он должен быть – войсковой разведчик, какими качествами обладать...

«Уметь работать командой...»

Александр Соловьёв, командир разведывательного десантного взвода, старший лейтенант:

– Разведчик обязан совмещать несовместимое в человеке. Он должен уметь общаться с человеком, посмеяться, а через пять минут уйти и собеседники не должны его запомнить. Я могу разговаривать с доктором наук и тут же – с бабушкой, с какими-нибудь алкашами. И те, и другие меня должны принимать за своего, иначе не смогу получить информацию. Он должен быть хамелеоном, уметь подстраиваться под собеседника. Разведчик – это своего рода артист. Он должен быть хладнокровным, циничным, жестоким, подлым, потому что благородство и разведка – понятия несовместимые. Надо уметь общаться с высшим обществом в ресторане и через день, не морщась – расчленять труп, не боясь испачкать костюм. Уметь быстро убить собаку. Хотя убить животное гораздо трудней, чем человека. Человека всегда есть за что убивать, а животное... Мы должны уметь работать командой. Агентурный разведчик погибает один, а если я ошибся – одно неосторожное движение, взгляд, и – погибнет вся группа. Разведгруппа – это единый организм. Разведчик – маленькая молекула своего коллектива. Общевойсковой разведчик не обязательно должен быть интеллектуалом. Не беда, если он не умеет читать, плохо играет в шахматы. Пусть он будет простой деревенский мужик, не знает тактики, сначала не умеет стрелять, но он по природе своей может в это вникнуть. Такой быстрее научится нюхать воздух, читать следы, стрелять, глотки грызть, брать пленных и работать в команде.

Как проходил набор в группу... Стоит строй солдат, из которых мне надо выбрать в мою группу. Это не просто люди, теперь это моя жизнь или смерть. Физические данные – это второстепенно. Важно увидеть его взгляд, движение, почувствовать дыхание... Я – это мозг, мои бойцы – мои руки, ноги, глаза, уши, кулаки. Зачем мне нужен тяжёлый здоровый кулак, если он не может шевелиться? Большой разведчик – это хорошо, но ему трудно двигаться, в него попасть легче. Маленький, как правило, более выносливый. У меня был «мальчик» весом 120 килограммов, но его хватило только в одну сторону. Раздевали, ребята несли его амуницию. А в два раза меньше его – шли до конца. ... Большой человек в рукопашной давит психологией, но если его противник подготовлен психологически, то большой человек проиграет ему в окопе гораздо быстрее. Физически разведчик – это поджарый, среднего роста, до 180 сантиметров. Больше ростом – только в телохранители. Слишком маленький – тоже плохо. Он должен быть среднестатистическим, неярким, неброским, незапоминающимся. Он, когда надо, сможет стать меньше, когда надо – больше.

Ошибки в отборе случались. Одно дело, когда 18-летний призывник – из него можно вылепить разведчика. 18 лет – это дети, которые не понимают, что такое смерть. Иное понимание страха, войны. Они очень отважны. Самозабвенно выполняют задачу, пускай даже никому не нужную. Руби дрова от рассвета до заката, если командир приказал – будет рубить. Взрослый человек этого никогда не будет делать, как бы он Родину ни любил. Зачем? Мне было очень легко с молодыми. Из срочников у меня никто не погиб.

А если 30—35 летние мужики... Очень сложно было с контрактниками. Эти люди знали, что такое смерть, что такое получить тяжёлое ранение. Они излишне осторожны. Хотя у них и больше жизненного опыта. У молодого солдата восприятие мира – это его рота, взвод, командир. У контрактника восприятие – семья в России, родственники, любовница, страна, граница. Когда его одёргиваешь – вот высота, её надо взять, он уже думает об этой высоте только наполовину. У него всегда в голове страна, граница, где люди лучше живут. А молодой солдат ничего этого не знает. У него главное – командир. Зато у молодого – более острое воспри-

ятие чувства Родины. Ему приказано взять высоту – он пойдёт и сдохнет, но возьмёт. Молодые бойцы у меня были хорошо подготовлены к войне и даже рвались воевать.

Алексей Трофимов:

– Был у нас такой боец – Хилько, под тупого сначала играл. Мы его учили говорить по-русски, хотя он русский, учили бегать, и научили, даже в бронежилете. А в деле потом он проявил себя очень хорошо, был как танк. Он в разведке лазил всю ночь, приходил, ещё и дрова колол.

Из армейских перлов:

– Ваши кулаки, пятки, локти и лбы должны быть крепкие, как у танка.

Хроника событий:

Лето 1999 года.

Визиты премьера Сергея Степашина на Северный Кавказ в июне проходят на фоне резко обострившейся ситуации на чеченской границе: нападения с территории Чечни на погранза-ставы соседних с Чечней регионов.

30.06.99 г.: министр внутренних дел РФ Владимир Рушайло: «Мы должны отвечать на удар более сокрушительным ударом. На границе с Чечней дана команда применять превентивные удары по вооруженным бандам».

01.08.99 г.: в Цумадинском районе Дагестана местные ваххабиты и поддержавшие их чеченцы объявили, что в районе вводится шариатское правление.

03.08.99 г.: Рушайло заявил о том, что им отдан приказ наносить упреждающие авиационные и артиллерийские удары по обнаруженным группировкам чеченских боевиков.

04.08.99 г.: в Цумадинском районе Дагестана на границе с Чечней идут бои с ваххабитами.

07.08.99 г.: руководители Шуры мусульман Чечни и Дагестана Басаев, Хаттаб, Умаров, Адалло Мухаммед объявили о создании независимого исламского государства Дагестан (в него вошли 11 селений Цумандинского и Ботлихского районов, захваченных исламскими боевиками). С. Степашин срочно вылетел в Дагестан.

09.08.99 г.: Ельцин отправил Степашина в отставку и в телеобращении объявил своим преемником на президентском посту Путина (Путин назначен и. о. премьера).

09.08.99 г.: на территории Дагестана начались крупномасштабные боевые действия по вытеснению исламских боевиков.

Глава 2. «Кончилось мирное время...»

«Без оглядки заниматься в поле...»

Александр Куклев:

– Шла плановая боевая подготовка. По сравнению с прошедшими годами появилось топливо, самое ценное в войсках на тот момент. Можно было без оглядки заниматься в поле.

Батальон, разведывательные роты полков в начале августа вышли на лагерный сбор разведчиков в район окружного учебного центра под Гороховцом. Это традиционное время для лагерей частей дивизии, т. к. начиналась подготовка к ежегодным показательным полковым учениям с боевой стрельбой. На эти учения в сентябре приезжали слушатели академий, представители военных и дипломатических миссий. Поэтому на подготовку одного полка работала вся дивизия. Так было и раньше. Так было и после окончания второй кампании.

Хроника событий:

25.08.99 г.: нанесён ракетный удар по окрестностям селения Сержень-Юрт (Чечня). Взрывы жилых домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске.

26.08.99 г.: В. Путин (с 16.08.99 – премьер-министр РФ) объявил о завершении первого этапа операции в Дагестане.

29.08.99 г.: в Буйнакском районе Дагестана начался штурм ваххабитских селений Карамахи и Чабанмахи.

31.08.99 г.: взрыв в торговом комплексе на Манежной площади.

С первых дней августа обстановка в батальоне, как и в других частях 3-й мотострелковой дивизии, становилась всё тревожней...

«Отдайте моего ребёнка!»

Евгений Липатов, старший разведчик-пулемётчик на БРДМ, рядовой:

– В один из августовских дней всю дивизию и технику собрали на ДУЦе. Собрали всех, даже тех, кому осенью на дембель. Скоро о том, что части будут куда-то отправлять, узнали родители солдат. Были случаи, что они стали приезжать на машинах на КПП и забирать своих детей, будто бы поговорить. Меня и ещё несколько солдат поставили на КПП с задачей: если приедут родители, то их на полигон не пускать. Но родителям пофигу были приказы, лишь бы сына забрать. Приехал генерал: «Что за столпотворение?». А родителей собралось человек сорок. Матери кричат: «Отдайте моего ребёнка!» Генерал позвал прапорщика: «Записывайте их фамилии и чтобы только здесь разговаривали, а к машине чтобы не ходили».

Дня через три приехал командир нашей роты, построил нас и говорит: «Кто хочет ехать защищать Дагестан?». Человек восемь согласились, в том числе и двое дагестанцев, что служили в роте. Дембеля, естественно, нет. Привезли нас в ДУЦ, и попал я во вторую роту, во второе отделение разведчиком-пулемётчиком....

«Ноги в руки и бегом в штаб...»

Алексей Трофимов, старший прапорщик, старшина разведдесантной роты:

– В августе 98-го наша рота находилась на прыжках в Чучковской бригаде спецназа. Пока готовились к прыжкам, водил ребят на экскурсию – показывал вооружение бригады спецназа: стреляющий нож разведчика, американские винтовки, наши снайперские винтовки бесшумной стрельбы.

Вскоре Владимир Николаевич Паков, зам. комбата, сказал, что был звонок, но письменного приказа на отправку ещё нет, поэтому – действуйте по плану, прыжки. Было что-то в душе, что скоро сворачиваемся отсюда.

Утром пошли на прыжки, получили парашюты. Выхожу на «пристрелку» (первая партия парашютистов – авт.). Первый борт – офицерский. Приземляюсь – мне наперерез боец бежит. Гасим купол. – «Товарищ прапорщик, вас срочно комбриг вызывает!». Ноги в руки и бегом в штаб. Роту в ночь отправили на поезде на пункт постоянной дислокации, остались майор Паков, я и техник роты.

Мы поехали рано утром на машинах. По дороге на моей машине с имуществом пробило колесо... А запасное оказалось за бочками с топливом, прибитым гвоздями к борту машины. Отодвинули ломиком запаску, камера оказалась пробитой. Клеить бесполезно – стоим в поле. Помогли проезжавшие мимо дальнобойщики...

Андрей Мещеряков, разведчик-пулемётчик, рядовой:

– Наша разведывательная десантная рота в то время была в Чучково на прыжках, успели сделать по два прыжка, вместо семи запланированных, и пришёл приказ возвращаться в Нижний Новгород. Сразу собрали парашюты, имущество. Поехали – кто на поезде, а я с одним парнем на машине, везли парашюты. Когда вся рота приехала из Чучково, тут же выгнали все машины из парка, забрали имущество и снаряжение со склада. Полный сбор батальона и других частей дивизии был в ДУЦе.

«Я хотел повоевать...»

Михаил Курочкин, гранатомётчик, рядовой:

– Мы были на сборах гранатомётчиков в ДУЦе, приехали в батальон – все с автоматами ходят. Что случилось? – «Боевая тревога! Война в Дагестане!». В роту забегаем – на самом деле тревога. Некоторые БМП уже ушли на полигон. Собрали свои вещи, покидали в машину и тоже на полигон. Там нам ротный говорит: «Ну что, братцы, поедem воевать, в Дагестан».

В роте были дагестанцы, они как узнали, что «духи» напали на их родину – в первую очередь готовы были идти. Один дагестанец был «молодой», умолял, чтобы его взяли с собой – отказали. Я хотел повоевать. Душа к этому лежала. Думаю, если в Югославию не удалось, так хоть здесь постреляю.

«Война будет некрасивой...»

Александр Соловьёв, командир разведывательного десантного взвода, старший лейтенант:

– Пошли слухи, что будет война. Батальон перебросили поближе к загрузочной станции. Те из офицеров, кто ещё думал – служить или хватит, быстренько поувольнялись. Мои планы по увольнению отодвинулись – это было бы предательство: столько лет готовил бойцов и самому в кусты? Летом мне дали отпуск, а потом домой позвонили, что батальон поднят по тревоге, время «Ч» пошло.

Реакция на весть об отправке в Чечню в батальоне была разной. Призванным из запаса офицерам – всё было до лампочки. Многие кадровые офицеры и прапорщики были на первой войне, когда друг друга валили, а потом им говорили, что войны-то и не было. Они знали, что и эта война будет очень некрасивой. Кадровые офицеры понимали, что на войну пойдут они – стреляные.

Время «Ч» пошло

Андрей Бирюков, начальник штаба батальона, майор:

– На момент отправки батальона в Чечню начальником штаба был майор Костылёв, назначенный на эту должность в марте 99-го. С 1 сентября я ушёл в отпуск, 7-го меня вызвали. Когда я приехал в батальон, первая колонна на ДУЦ уже ушла. Я до последнего момента не знал, что поеду в Чечню. Это решение было принято в управлении батальона.

Положено было батальону собраться за три дня. И собрались. Поехали – некомплекта людей в батальоне не было. Механики-водители действительно учились водить на ходу, три машины загубили сразу. Механик мог завести машину, мог тронуться с места... Потом, когда они поковырялись в машинах, научились ездить и стали асами.

Андрей Середин, заместитель командира разведывательной десантной роты по воспитательной работе, капитан:

– В августе 99-го я исполнял обязанности ЗНШ батальона. Когда началась кампания, пошёл на должность замполита РДР. Получили всё, что требуется на войне, вплоть до боеприпасов. Но вот уровень подготовки личного состава был на самом минимальном уровне: за месяц до отправки на Кавказ боевая учеба проводилась скорей на бумаге, на уровне командно-штабных тренировок. Даже на проверке вождение боевых машин из-за лимита горючего не проводили, боевых стрельб, при мне, по крайней мере, не было. Если учебные занятия по стрельбе и проходили, то в самом скорректированном виде.

Личный состав батальона по срокам службы был смешанный, не было преобладания какого-то одного срока призыва. Те, кто дослуживал последние месяцы, хоть что-то мало-мальски умели, но все равно были скорей лишь адаптированы к военной службе, чем настоящими мастерами по своей воинской специальностям...

Приказ №01

Александр Куклев:

– 8-го сентября 1999 года была получена Директива Генерального Штаба ВС РФ ДГШ №312/2/00251 о создании оперативно-тактической группировки 3-й мотострелковой дивизии. 11-го сентября доведён боевой приказ командира дивизии №01 об отправке частей постоянной готовности в район проведения контртеррористической операции. Первые части загрузились и пошли на Кавказ 12 сентября.

Краткая выписка из плана погрузки:

12.09.99.:

Станции Ударники, Инженерная, Костариха – подразделения 245-го мсп, управление 3-й мсд;

13.09.99.:

Ст. Ударники, Большое Козино, Инженерная, Костариха – подразделения 245-го мсп, 84-й орб, отдельный батальон РЭБ (радиоэлектронной борьбы – авт.), оперативная группа 22-й армии;

14.09.99.:

Подразделения 245-го мсп, 752-го мсп, и т. д.

«На нервах, но без аврала»

Владимир Самокруткин, командир батальона, подполковник:

– На подготовку к отправке на Северный Кавказ нам дали трое суток. Предстояло быстро собраться, а хозяйство в батальоне – немалое. Но всё пошло по заранее подготовленному плану. Мы заранее знали, где и как дополучать технику, снаряжение, боеприпасы, продовольствие, куда и как везти и грузить.

Всё было непросто в эти дни, на нервах, но без аврала. Сначала марш всем батальоном на ДУЦ, и там дозагружались, дополучали все необходимое. Ещё раз проверили оружие, технику, всё снарядили. Дополучили личный состав, в основном контрактников, надо было их записать во все списки и ведомости...

«Произошло всё неожиданно...»

Анатолий Маняк, командир роты радиоэлектронной разведки, капитан:

– Сначала нам говорили, что поедем в Дагестан. Якобы будут платить хорошие деньги, «боевые», тысячу рублей в сутки. То, что мы едем в Чечню, нам не говорили.

Произошло все неожиданно. Такого понятия, как «угрожаемый период» у нас не было. Нашу роту, как и другие подразделения батальона, доукомплектовывали имуществом, оружием, боеприпасами. Техники у меня было семь единиц, с собой взяли четыре.

У меня вообще штат роты был непонятный. Комбат с начальником разведки дивизии, наверное, сами его составляли. Мирный штат роты был – 65 человек, а поехали воевать – 24. Четыре офицера, четыре прапорщика и 16 сержантов и солдат. Мне сказали: «На должности назначай сам!». Из офицеров роты я всегда мог положиться на командира взвода старшего лейтенанта Сергея Тинякова и зам. командира роты старшего лейтенанта Сергея Клепцова. Он хорошо себя показал, но у меня его забрали в начале января, в управление батальона.

«С собой взяли даже гуталин и грабли...»

Сергей Тиняков, командир взвода роты радиоэлектронной разведки, старший лейтенант:

– Утром на совещании по сборам комбат сказал: «Берём, всё, что есть, уезжаем и казармы заколачиваем. Оставляем только несколько человек для охраны». Я всё же послал нашего ротного старшину к старшине первой роты Сане Ступишину: «Спроси, что брать, что не брать». Мы взяли: матрасы, подушки, одеяла, шинели, бушлаты, лопаты. Старшина взял даже косы и грабли, гуталина несколько коробок – у него были запасы. Портянок у него было – тюки! Всё из каптерки вынесли. Другие роты ничего этого не взяли.

Как потом оказалась, правильно сделали, что с собой из роты взяли всё имущество: приехали в отпуск – дверь в каптёрку сломана, вся документация на полу валялась, сейфы, ротного и мой, вскрыты. Всё это натворили те, кто оставался в батальоне, да и бомжи приходили.

«Ребята, собирайтесь...»

Дмитрий Горелов, заместитель командира батальона по тылу, подполковник:

– В 1982 году я окончил Нижегородское военное училище тыла. Все четыре года учебы был старшиной курсантской роты. Мне предложили остаться в училище начальником вещевой службы. В мае 99-го училище тыла было расформировано и приказом Министра обороны меня назначили на должность заместителя командира 84-го отдельного разведывательного батальона по тылу. Не успел ещё должность принять и разобраться, нам сказали: «Ребята, собирайтесь, по всей вероятности поедете в Чечню». После отпуска объявили 10-дневную готовность. Практически на погрузку и сборы нам дали трое суток. У нас всё всегда было и так собрано. Знали, где и что лежит.

В службе тыла батальона было двенадцать человек. Командир взвода матобеспечения – старший прапорщик Игорь Климович, начальник склада прапорщик Сергей Ахмедов, начальник столовой и три повара. Плюс водители, восемь человек.

У нас было четыре топливозаправщика, потому что самое главное – это обеспечение горючим, четыре кухни, цепляли их за топливозаправщики. Имелась и водовозочка прицепная. На каждую роту по одному «Уралу» под имущество. И два «Урала» для боеприпасов. Под продовольствие – «Урал» с кунгом. Сначала нас перекинули на ДУЦ. Там же готовились в дорогу, пополнили все запасы. Получили продовольствие на путь следования, новые печки, новые палатки, фонариков нам разных надавали, свечек парафиновых. Укомплектовали всем необходимым. С собой брали продукты только в дорогу, а на месте мы должны были подключиться к другой системе снабжения.

Алексей Трофимов:

– Приехали из Чучково, утром пришёл в роту – там хаос: идут сборы. Много имущества пришлось оставить в батальоне.

Пригнали нам из 100-го танкового полка их «бэтры» (бронетранспортёры – авт.), вместо наших неисправных. Приехал начальник разведки округа генерал Иванушкин, посмотрел на нас и давай кричать: «Как будете воевать – вы же не экипированы!».

«Бойцы были хорошие, только водить не умели...»

Александр Ступишин, старшина 1-й разведывательной роты, старший прапорщик:

– До прихода в батальон я служил старшиной в отдельной роте спецназа, у майора Пакова. Только принял новую должность, в августе 99-го – ушел в отпуск. Батальон как раз переехал на новое место дислокации, обустривались. Никто никуда не собирался, и вдруг резко – в Чечню! Из Дзержинска на новое место дислокации в Нижний Новгород технику перевозили около трёх месяцев, а тут за два дня она ушла на ДУЦ. Сборы имущества – всё лежало на нас, старшинах рот. Всё было организовано – за печками, например, я ездил на базу хранения, везя на весь батальон. Другой старшина получал палатки, третий – продукты.

Техника вся была по штату. В роте было десять механиков-водителей, деревенские ребята, бывшие трактористы. Я им был как отец, тем более – сам бывший тракторист. Они были мне как родные, я их должен был сохранить.

Бойцы-то у нас были хорошие, только водить не умели. Но уже в Чечне механики-водители научились до такой степени хорошо ездить, что подъезжали «коробочкой» (БМП – авт.) прямо к борту машины. Так на «Жигулях» не подъедешь. Мои механы (механики-водители – авт.) с первой роты были нарасхват. Я бы всех срочников из своей роты представил к ордену Мужества. Вели они себя достойно. Всегда душа болела за молодых. Мы обращались к солдатам не так, что «эй, солдат, иди сюда», а – «сын». За контрактника я не так беспокоился – он приехал за деньгами.

У меня душа спокойна: в моей роте никто из срочников не погиб. А многие из них рвались рисковать. После Чечни ко мне все срочники из моей роты приезжали в гости. Жена стала ругаться: «Каждый день бутылка!».

Евгений Лобанов, командир автомобильного отделения взвода материального обеспечения, старшина:

– Однажды комбат меня вызвал: «Что это у тебя племянников – целый батальон! Почему тебя солдаты дядей Женей зовут? Запрещаю! Только по званию, или имени и отчеству!». Но я же не виноват, что многим солдатам годился в отцы...

«А на чём кашу варить?»

Сергей Ахмедов, прапорщик:

– Я как раз приехал из отпуска, всех собрали: «Едем на Кавказ воевать!» Я ещё ходил на почту давать телеграммы офицерам, вызывал из отпусков. Задачи спланировали, начались сборы. Быстро все закрутилось – начали получать имущество, продукты. За трое суток, день и ночь, пока шли сборы, все вымотались. Нам выделили теплушку под кухню, чтобы пищу в дороге готовить. А к теплушке на «Урале», чтобы кухни в неё закатить, было не подобраться. Мы, недолго думая, стали эту теплушку спускать поближе к «Уралу» с кухнями. Катили её всемером, а «Урал» тросом поддерживал сзади. Но теплушка покатила и «Урал» за собой тянет, и мы никак её не можем остановить. Наконец, башмаки под теплушку подсунули. С горем пополам закатили кухни.

А на чём кашу варить? Дров-то нет в дороге. Поварята разобрали ночью какой-то штакетник у станции, потом ещё досок набрали. А трубы из кухонь надо же наружу как-то выводить, иначе задохнёмся в теплушке от дыма. Недолго думая, беру лом, давай снизу крышу долбить – никак. Полез на крышу с ломом, а над головой высоковольтная линия, по лому – искры, как от сварки. Как меня не шарахнуло... Кто-то едет мимо: «Вы, военные, вообще больные! Ток же на полтора метра от линии бьет!». А что было делать? Раздолбил крышу, трубы от кухонь вывели.

Из армейских перлов:

- *Ешьте суп, а то заболит живот. Вы тогда даже армии нужны не будете.*
- *У вас всегда воду для чая возят на бензовозе?*
- *В армии многое неясно, зато всё правильно!*

«Радуйся, едешь!»

Иван Кузнецов, командир взвода, старший прапорщик:

– Летом меня отозвали из отпуска. Приехал в батальон. Узнал, что пришли документы: вот-вот отправят на Северный Кавказ. В то время я был на должности командира взвода связи батальона. Комбат Самокруткин меня вызвал: «Остаёшься здесь, туда не едешь. Будешь в наряды ходить». – «Товарищ подполковник, а почему так? Я, конечно, не герой, но оставаться здесь с теми, кто водку пил, в нарядах спал, не выходил на службу? Я что – хуже всех служу?». У меня к тому времени стаж службы был – 18 лет. В Германии служил, в 201-й дивизии в Таджикистане, в Мурманске.

Пошёл к замполиту батальона майору Агаеву: «Или я увольняюсь, или еду с батальоном. Я никогда в нарядах ничего не употреблял, ни одного залёта не было!». Он пошёл к комбату. Выходит от него: «На пятьдесят процентов твой вопрос решён». Потом он позвонил в штаб дивизии. Выходит, хлопает меня по плечу: «Радуйся, едешь!» – «На какую должность?» – «Начальником склада». Ладно, думаю, на месте посмотрим...

*«Повели пацанов
Офицеры седые...»*

«Умные были ребята...»

Владимир Самокруткин, командир батальона, подполковник:

– Мне повезло с офицерами, которые служили в батальоне на момент отправки на Северный Кавказ. Летом на должности командиров взводов пришла группа лейтенантов, выпускников Новосибирского военного училища. Все они хорошо знали друг друга, а это немаловажно. Такие умные были ребята, что во многом благодаря им в батальоне не было больших потерь. Все они действовали толково и грамотно.

О качестве подготовки и смелости молодых офицеров говорит такой факт: сто процентов командиров взводов и рот были награждены орденами Мужества. Особенно выделялись в батальоне такие офицеры, как Тритяк, Середин, Хамитов, Захаров, Соловьёв. Тритяка к званию Героя России мы в ходе кампании представляли четырежды, Соловьёва – трижды. Справедливо, что Героем России стали Александр Хамитов и, посмертно, Пётр Захаров.

Салех Агаев, заместитель командира батальона по воспитательной работе, майор:

– С большим уважением я отношусь к старшему лейтенанту Хамитову, он был очень грамотный офицер, профессионально подготовлен, в батальоне пользовался авторитетом. Он умел работать с людьми. Пришли в это время старший лейтенант Гагарин – новый командир РДР, со спецназа, Андрей Середин – тоже со спецназа. Новый зам. комбата майор Паков – воевал в первой кампании, был командиром роты спецназа. Капитан Маняк, командир роты радиоэлектронной разведки – офицер с большим опытом. Зам. комбата по тылу Дмитрий Иванович Горелов – своё дело знал, профессиональный тыловик. Из старшин рот отличались прапорщики Трофимов, Ахмедов, Ступишин. Их подготовка и опыт дали себя знать и на войне. Все командиры рот были очень надёжные, и это успокаивало. С такими офицерами была гарантия, что воевать батальон будет нормально.

«Мы просто поехали...»

Александр Ступишин, старшина 1-й разведывательной роты, старший прапорщик:

– В роте нас было 56 человек, по штату. Командир нашей роты капитан Тритяк – был волевой человек, и ротный – своеобразный. Мог переписать штатку и предъявить командованию, мол, я вот такие сделал изменения в роте.

Лейтенант Петя Захаров, командир первого взвода... Он был крепкий, плечистый, водой холодной обливался – само здоровье. Общительный был. Всегда очень тщательно следил за формой. Всегда был подтянутый. Не курил, если выпьет – только стопку. Солдаты-срочники его слушались беспрекословно. А контрактников мы с ним обламывали вместе. Иногда даже пена изо рта летела, чтобы им доказать, что нужно. И бороться приходилось, и в лоб закатывали – не без этого. А то приходили такие, и рассказывали, что чуть ли не с турецкой войны воюют. Сержанты в роте были толковые – Тритяк воспитал. Они могли каждый рулить взводом.

Второй взводный – лейтенант Кузнецов. Парень был хороший, отчаянный.

Даже офицеры и прапорщики морально не были подготовлены к войне. Мы просто поехали, это был наш долг. Но один взводный у нас не поехал, потому что только вернулся из отпуска и привёз жену, некуда было её пристроить. Замполит роты у нас тоже отказался ехать. За ним мама пришла... Я его фамилию сразу из памяти вычеркнул.

Каким было состояние техники в батальоне на момент отправки на Северный Кавказ...

«Броня – из Чехословакии...»

Сергей Поляков, заместитель командира батальона по вооружению, майор:

– Первая и вторая разведроты имели на вооружении двенадцать БМП-2 и одиннадцать БРМ-1-К. БМП-2 все были практически новые, с консервации, мы их получили в 1995-м году, с базы хранения в Свердловске. БРМ-1-К были ещё из Чехословакии, но боеготовые, хорошие машины. Всего было 23 гусеничных машины, все в хорошем состоянии. В разведдесантной роте были БТР-70, с двумя двигателями. Эти были – не машины. На заводе всё вроде было отрегулировано, всё нормально, но – два двигателя, это надо два карбюратора отрегулировать, зажигание на двух двигателях выставить, две коробки, чтобы синхронно включались, два диска сцепления. На войну взяли три таких БТР, имевшихся в батальоне, и ещё три нам дали из мотострелковых полков.

К моменту отправки на операцию опытные механики-водители в большинстве уволились, из 23-х – 18, это точно. Пришли новые, с учебки. Толком мы их не знали, воздений в батальоне с ними ещё не проводили, занятий по технической подготовке провести не успели. В личном деле такого механика-водителя написано, что программу освоил, прошёл стокилометровый марш, а что реально он из себя представляет, мы не знали.

Отвечал я в батальоне и за состояние оружия, а также за боеприпасы. В моём подчинении были мой зам. – начальник службы РАВ (ракетно-артиллерийского вооружения – авт.) старший лейтенант Михайлов, и прапорщики – начальник технической части Костин, и командир ремвзвода Коротков. В ремвзводе было 20 человек. Все ехали со своим штатным оружием, что-то брали со складов, сами должны были за ним следить. Офицеры от ПМ (пистолет Макарова – авт.) отказались, получали АКМ (автомат Калашникова модернизированный – авт.). Командир взвода обязан был оружие проверять. В распорядке дня было – чистить оружие каждый день. Если у кого-то оружие было не пристреляно, или с ржавчиной – так его сами доводили до такого состояния. В Афганистане в 1987—89 годах я служил командиром танкового взвода, потом роты, из 54 человек больше половины – узбеки и казахи, там следили за оружием, и сам всё проверял. Отношение к службе тогда было лучше.

«Из четырёх неисправных машин собрал две нормальные...»

Сергей Тиняков, командир взвода роты радиоэлектронной разведки, старший лейтенант:

– У нас одна единица техники – машина обработки информации – была неисправна. Плюс две машины по назначению своей аппаратуры в Чечне были не нужны, поэтому эти три машины мы и оставили в Нижнем.

Пока три дня стояли на полигоне, ещё до отправки, проверяли аппаратуру, учились. Проверка оборудования показала, что аппаратура частично не работает: давала большие ошибки при пеленговании. Приехали в Моздок, развернулись, опять стали проверять. Капитана Маняка комбат дёргал туда-сюда, а я с аппаратурой возился. Вытащу блок, покопаюсь, заменю, вставлю. Из четырёх неисправных радиопеленгаторных машин собрал две нормальные. Откалибровали пеленг. Худо-бедно – машины заработали.

Экипаж машины состоит из водителя и двух операторов – это были обыкновенные ребята, выпускники ПТУ. Посадил операторов тренироваться. Практика у них была очень маленькая, да и знания в процессе службы стали постепенно теряться. Словами всё не объяснишь, пока сам не покрутишь ручкой, да и сам что-то забыл. Пока стояли в Моздоке, операторов работать научили. Создали дежурные смены, журналы завели, всё упорядочили. На первой же стоянке – довели боевому расчёту частоты, диапазоны, и потихонечку начали работать. Дальше служба пошла – как по накатанному.

Водители научились ездить прямо на глазах. А уж когда поехали по Чечне – там стали асами. Особенно запомнился ефрейтор Ходырев, срочник, я с ним ездить не боялся.

«Никто на автоматы не жаловался...»

Евгений Липатов, старший разведчик-пулемётчик на БРДМ:

– Всё оружие получали со складов, АК-47 и АКМ, ещё старой сборки. Автоматы все были пристреляны, намного качественней, чем новые калибра 5.45. В бою они себя хорошо показали – механизмы лучше, более прокалены, заклиниваний не было. Никто из пацанов на автоматы не жаловался. А вот СВД (снайперская винтовка Драгунова – авт.), конечно, не были пристреляны.

«Это было убитое оружие...»

Александр Соловьёв, командир разведывательного десантного взвода, старший лейтенант:

– На момент первого боя у меня был штык-нож – абсолютно тупой, с обломанным кончиком, масло было трудно резать. Этому штык-ножу было 25 лет, и сталь такая, что заточке не поддается. Часть автоматов моему взводу досталась со склада, сданные туда после похода в Чехословакию, с 1969 года. Попадалось оружие с ржавчиной, непристрелянное, такое, что не поддаётся пристрелке. Сдать такие автоматы оружейнику? А кто поменяет? И где взять столько нового оружия?

Алексей Трофимов:

– Оружие – сдавали его на склад на консервацию во время, когда батальон был фактически расформирован. Пришлось его пристреливать в районе Горагорского – когда уже шла операция! Соловьёв тогда пристрелку устроил. Ребята хотя бы попробовали своё оружие. А пристреливать автоматы на ДУЦе было лень.

Иван Кузнецов, командир взвода, старший прапорщик:

– Наше оружие – отдельная тема. Автоматы со склада – ржавые. Это было убитое оружие. Перед сдачей на склад оружие должно быть смазано, смазку убрал и воюй, а тут берёшь – ржавчина солидолом намазана. В канал ствола шомпол невозможно протолкнуть! Магазины для патронов – дефицит, зато боеприпасов – немеряно. Набирал патроны россыпью в карманы, набивал ими все, что можно. В бою набивать магазины некогда. Порой шли в бой – на автомате спарка магазинов, да в карманах по магазину, и всё. Как нужны были в батальоне снайперы – по штату не положено! АГС (автоматический гранатомёт станковый – авт.) – не было. Ни одного миномёта! У «чехов» же (так называли боевиков в Чечне – авт.): в тройке – гранатомётчик, снайпер, пулемётчик. И только в Чечне в батальон пришёл новый штат.

«Деревянный приклад – это деревянный приклад...»

Александр Ступишин, старшина 1-й разведывательной роты, старший прапорщик:

– Мне пистолет «Стечкин» со склада достался такой, что затворную раму было не пере­дёрнуть. Я его в солёрке отмачивал. Оружие у нас было хорошее, только его надо было содер­жать – чистить и смазывать. Когда контрактников выгоняли – они бросали нечищенное оружие, таким оно и попало на склад. У меня автомат был с деревянным прикладом – «весло». С таким автоматом удобней в горах – можно упереться, оттолкнуться, и где-то прикрыться. Деревян­ный приклад – это деревянный приклад, а с железным – никуда не упрёшься.

Наверное, у каждого своя правда: одним достались хорошие автоматы, другим – с ржав­чиной от прежних нерадивых хозяев оружия.

«В совершенстве знали только автомат...»

Яков Чеботарёв, командир разведывательного взвода наблюдения, старшина:

– Во взводе было три БРМ-1-К и два ЗИЛа с «Реалиями» – это такая аппаратура, которая выставляется на дорогах, чтобы засекать движение техники и людей. Работает она с помощью специальных датчиков, замаскированных у дороги.

Но аппаратуру использовали мало: её было долго собирать, готовить к эксплуатации, потом так же долго убирать. Да и на полигон с техникой не наездишься. В совершенстве мы знали только пистолет и автомат. Визуально вести наблюдение – всегда результаты лучше. Перед отправкой поработали на рациях, на технике, получили бронежилеты, ракетницы, сигнальные огни, бинокли и даже снайперские винтовки. Со всем этим оружием и снаряжением, как настоящие бойцы и пошли воевать.

Всем командирам подразделений присвоили позывные, мой был сначала «Марка-12», а потом – «Седой»...

Законы Мэрфи о войне:

– *Вещи, которые должны быть использованы вместе, никогда не смогут быть доставлены в одно и то же место.*

– *Никогда не забывай – твоё оружие было сделано максимально дешево, и в нужный момент оно обязательно откажет.*

– *Если не подведёт автомат, то закончатся патроны.*

– *Если не закончатся патроны, тогда окажется, что не в кого стрелять.*

Глава 3. Эшелоны идут на Кавказ

Хроника событий:

04.09.99 г.: взрыв жилого дома в Буйнакске.

В ночь с 04.09.99 на 05.09.99 г. вооруженные отряды исламистов вторглись из Чечни в Новолакский район Дагестана.

09.09.99 г.: взрыв жилого дома в Москве на ул. Гурьянова. Официальные власти Чечни отрицают причастность к взрывам в Буйнакске и Москве.

11.09.99 г.: А. Масхадов объявил в Чечне всеобщую мобилизацию.

12.09.99 г.: В. Путин в Окленде после встречи с Клинтоном (в ходе саммита АТЭС) заявил, что к событиям в Дагестане причастен террорист Бен Ладен.

Свидетельствуют документы

Из журнала боевых действий 84-го отдельного разведывательного батальона:

«10 сентября 1999 года, совершив марш в составе батальона из пункта постоянной дислокации, прибыли на дивизионный общевойсковой полигон, где проводилось доукомплектование батальона личным составом, вооружением и военной техникой, материальными средствами и было проведено боевое слаживание батальона.

13 сентября 1999 года без разведывательной десантной роты совершил марш по маршруту ДОП – ст. Большое Козино, где погрузившись в эшелон и следуя по железной дороге, 18 сентября прибыл к месту специальной командировки г. Моздок, Северная Осетия».

*«Прощай, отчий край,
Ты нас вспоминай.
Прощай, милый взгляд,
Не все из нас придут назад...»*

«Получилось то, что должно было получиться...»

Сергей Поляков, заместитель командира батальона по вооружению, майор:

– Когда дали команду на движение, в 12 часов ночи, получилось то, что и должно было получиться. Один механик-водитель бордюр свернул своей БМП, другой – ворота у КПП вышиб, третий – не может повернуть. Четвёртый завёл двигатель – пена пошла из масляного бака, так как молодой механик-водитель БМП перепутал заправочные горловины и в масляный бак, вместо бачка радиатора системы охлаждения, долил воды.

Марш совершали в сопровождении ГАИ по маршруту: парк войсковой части (проспект Гагарина) – район формирования и слаживания, ДУЦ. Дошли до конечного пункта, нормально, с незначительными поломками. При совершении марша по маршруту ДУЦ – Большое Козино (станция погрузки на железнодорожный состав) заклинило двигатель на одной БМП второй разведывательной роты, пришлось её заменить, так как на ремонт не было времени. На погрузке на станции ещё у одной машины заклинило двигатель. В общем, ещё не выехали, а две машины потеряли. Взамен выбывших из полков нам дали пять машин. В Чечню пошли всё же в комплекте техники.

«Антенной зацепились за троллейбусную линию...»

Сергей Тиняков, командир взвода роты радиоэлектронной разведки, старший лейтенант:

– У нас тоже при выезде из батальона не обошлось без приключения. Собрались, построились в колонну. У нас от роты было четыре МТЛБ-у (многоцелевой тягач легкобронированный универсальный – авт.) и ЗИЛ. Антенны на машинах поставили высокие, чтобы во время движения лучше была связь, и не рассчитали. Первая же машина, только выехали на проспект Гагарина, задела антенной за троллейбусные провода. Антенну – срезало. Но ничего страшного: машину не закоротило, у тех, кто в ней сидел, был только лёгкий шок. По Нижнему ехали – асфальт на дороге новый, только положили, гусеницы скользят, и водители неопытные: хотя и отслужили полтора года, но ездили мало. Доехали до полигона к шести часам утра, с грехом пополам.

Андрей Середин, зам. командира разведдесантной роты по воспитательной работе, капитан:

– Когда началась погрузка техники в эшелоны, офицеры сами загоняли машины на платформы: таким был уровень подготовки водителей.

Алексей Трофимов:

– Водители умели ездить по прямой, а надо было суметь ночью загнать машину на платформу! Поэтому-то все командиры взводов сами и загружали технику вместо штатных водителей. Сами же и помогали солдатам крепить технику проволокой на платформах, потому что если мы не замотаем, как следует, придут железнодорожники – заставят переделать.

Из армейских перлов:

– *Вам, товарищ солдат, не на машине ездить, а лошадей в задницу иметь, и потом будут по части кентавры маленькие бегать.*

– *Вы не полено, как бестолковый Буратино, вы дубина из этого полена!*

– *Вас всех что, одна и та же акушерка по пьянке роняла?*

– *Вы не солдат, а солома, через лошадь пропущенная!*

«Обучались методом тыка...»

Евгений Липатов, старший разведчик-пулемётчик на БРДМ:

– Собрали нас и все – «Быстрее! Быстрее!». Личное оружие пристреляли заранее, но вооружение БМП было не пристреляно – быстренько и его пристреляли. Наводчики и механики-водители все были после учебки, там только пару раз водили, машины были новые, не обкатаны. Поехали – половина машин по дороге встала. Техника новая, но не езженная, с консервации, начало шланги рвать, всё течь, а механики после учебки, опыта нет...

Пока всё пристреляли и исправили, прошло день или два. Своим ходом ехали на станцию, даже не помню, где грузились на платформы. Все обучались на ходу, методом тыка. Опыт приходил постепенно...

Олег Шустов, старший техник 2-й разведроты, прапорщик:

– Например, механик-водитель Курбаналиев до начала войны фактически был каптёром, портянки считал, я ещё со старшиной ругался, чтобы он отдал его мне, учить технике. А там у них техника заходила-забегала, как на велосипеде ездили, когда прижало.

«Выдали долги за все годы службы...»

Сергей Тиняков, командир взвода роты радиоэлектронной разведки, старший лейтенант:

– На полигоне нам выдали оружие, экипировали, и выдали деньги, долги за все годы службы. Офицерам разрешили с девяти вечера до двух часов ночи съездить домой, проститься с жёнами. Отвёз деньги жене, и в три часа ночи я был уже на полигоне. Выстроились в колонну и поехали на станцию погрузки...

Что знали солдаты и офицеры о том, где и за что им предстоит вскоре воевать...

«Ехали – непонятно куда...»

Дмитрий Горелов, заместитель командира батальона по тылу, подполковник:

– Все ехали в Чечню первый раз, только у прапорщика Климовича это была вторая кампания. Ехали – непонятно куда. В эшелон загрузились за одну ночь и поехали. Везде мирное время, никто ещё пока ничего не понимает. По радио слышим – опять где-то дом взорвали. Значит, думаю, будет война.

В пути следования кухни стояли в одном вагоне, готовили на ходу, а на станции термосами по вагонам разносили. Это было трудно. И надо было не проспать станцию, чтобы заправиться водой. Повара спали в вагоне с кухнями. Все продукты были здесь же, и я здесь ночевал.

На вторые сутки пути почувствовали, что не один наш эшелон идёт в ту сторону. Где-то на узловой станции встретили части нашей дивизии. Так представили масштабы переброски войск.

«Но хорохорились многие...»

Алексей Трофимов, старшина разведывательной десантной роты, старший прапорщик:

– Люди старшего возраста в батальоне догадывались, что мы едем конкретно воевать. Хотя до прибытия в Моздок нам вообще ничего не говорили: соблюдали секретность. Солдаты психологически не были готовы к войне, но хорохорились многие. В нашей роте подобрался очень крепкий костяк: половина была из спецназа, подготовлены более-менее. Но помню и такой эпизод: в вагоне в дороге учил солдат, как заряжать подствольный гранатомёт. Не умели! Молодые, не успели попробовать.

Я был назначен старшим по охране эшелона. На каждой станции – обходил эшелон, смотрел, нет ли чего подозрительного.

«Всё было покрыто тайной...»

Андрей Середин, заместитель командира разведдесантной роты по воспитательной работе, капитан:

– Наша рота уехала первой, в составе передового отряда. Остальные подразделения батальона выехали на пару дней позже. Никаких политических инструкций нам не давали. До последнего момента всё было покрыто тайной, всё держалось в секрете. Куда конкретно едем – не знали. Предполагали, что в Дагестан. Солдаты тем более не имели представления о пункте назначения, и что их ждёт. Те из офицеров и прапорщиков, кто был на первой войне, конечно, имели представление, что там будет.

Андрей Бирюков, начальник штаба батальона, майор:

– Это правильно, что задачи никто не знал, иначе была возможна утечка информации. Я знал, что это идёт война за нефть, за территорию. Если бы в Чечне всё не задушили, там был бы бандитский анклав. Надо было душить, но ещё в начале 90-х. Старые солдаты это понимали, по большому счёту. А срочники ехали просто повоевать. Был азарт, мальчишество. Пускай они сначала не умели воевать, но было время научиться, пока обстановка не была ещё такой серьёзной. А потом 18-летние пацаны воевали ничуть не хуже контрактников.

Олег Шустов, старший техник 2-й разведроты, прапорщик:

– В Чечне я был в первой кампании, служил в 166-й мотострелковой бригаде. Опыт был, знал, что меня ждёт. Я поехал и с собой ничего в дорогу не взял, даже зубную щётку купил потом.

Андрей Мещеряков, разведчик-пулемётчик:

– Что такое Чечня, мы знали только по рассказам тех, кто там побывал в первую кампанию. Знали, что надо будет стрелять и воевать, но что нам предстоит пережить – по-настоящему не понимали. Все ребята-срочники были даже рады, что нам предстоит воевать...

«Почти как на свадьбу ехали...»

Иван Кузнецов, командир взвода, старший прапорщик:

– Цели войны никто нам не доводил. Никакой идеологической подготовки не было, хотя бы самой общей информации. Никакой теории нам не давали, как себя там, на Кавказе, вести. Люди ехали вслепую. Первая война ничему не научила.

Аура в поезде – почти как на свадьбу ехали, с весёлым настроением. Кто-то на станциях доставал выпить, в карты играли. Только перед погрузкой кто-то из политреbat построил батальон, вышел молодой симпатичный полковник из штаба дивизии: «Поймите правильно. Вы едете в интересное место, и крутость ваша заключается не в том, чтобы обвешать себя гранатами, ваша основная задача – спасти своего товарища». Сказал, что едем ориентировочно на шесть месяцев.

*«Недаром в вагоне играет гармошка
И вьётся дымок папирос...»*

«Я и не думал, что в Чечню попадём...»

Евгений Липатов, старший разведчик-пулемётчик на БРДМ:

– Ничего нам не говорили, против кого едем воевать. Я и не думал, что мы в Чечню попадём. Когда в речном училище учился, смотрел фильм «Чистилище», тогда и узнал, что это за война была. Приходилось разговаривать с ветеранами той кампании, у меня знакомый был там с милицией, в Гудермесе стоял, им всё видео трофейное показали, чтобы визуально представляли, с кем воевать. Нам же ничего не показали.

«В Чечню – к бабке не ходи...»

Валерий Олиенко, командир отделения управления 2-й разведывательной роты, старшина:

– А куда нам еще можно было ехать? Только в Чечню. Одно название батальона само за себя говорило. Вперёд и с песней. Кто-то если и не понимал, то догадывался. Когда поехали, было ясно, что в Чечню – к бабке не ходи.

«Сделайте их, ребята!»

Андрей Мещеряков, разведчик-пулемётчик:

– Настроение у всех в дороге было хорошее. До Моздока ещё не понимали, куда едем. Все ходили в вагоне расслабившись, курили. Вообще не задумывались, ехали себе и ехали. Перед большими городами останавливались, ждали ночи, потому что в эшелонах была боевая техника. Ночь наступала – города проезжали.

В центре России люди не понимали, что скоро война, а чем ближе к Чечне, в Ставрополье – было много случаев, когда жители на остановках подбегали к нам с узелками, пакетами с едой, с арбузами. Мужики нам кричали: «Сделайте их, ребята!». В Моздоке, когда разгрузились ночью, закурили, вдруг старшина подбегает: «Вы что? Здесь только вчера их снайпера работали!»...

«Цветы на броню...»

Андрей Бирюков, начальник штаба батальона, майор:

– Когда ехали колонной через Моздок, на тротуаре стояли люди, приветливо махали нам руками. Помню 17-летнюю девчонку, бросила нам на БМП цветы, засмушалась и убежала. Наверное, люди понимали, что мы едем в Чечню не дрова колоть.

«Бойцы вообще ничего не знали...»

Александр Соловьёв, командир разведывательного десантного взвода, старший лейтенант:

– Я батальон нагнал в Моздоке, они уже выгрузились. А ехал с тыловиками. Они не понимали – куда, зачем едут, они и меня не понимали. Знали, что я с десантной роты, говорили мне: «Куда ты едешь? Нам-то ладно: водку пьём и всегда при тушёнке». Относились ко мне как к нездоровому человеку. У ОБМО (отдельный батальон материального обеспечения – авт.) уже в дороге были потери. Один офицер перепил и застрелился, другой, боец, полез за тушёнкой, его током убило.

Ехали через Ставропольский край – нас встречали тётки с пакетами, котомочками, и как начали швырять в нас! Сначала думал – гранаты полетят. О, водка, самогонка! Картошка, помидоры... Бежали бабуськи, кидали узелки с яйцами, бутылки с молоком. Я смотрел на это, и у меня текли слезы. Эти люди – они знали, что у них под боком творится, их детей воровали и им же продавали. А мы ехали и сначала ничего об этом не знали!

Я даже не представлял, каких размеров Чечня. Спрашивал у друзей: «Какая она – Чечня? А карта есть?» – «Нет, где её взять?». Карт не было вообще, ни туристических, ни военных, вообще никаких. Я ехал – не видел ни разу на карте Чечни. Я это разумом не понимал, как можно так воевать, а душой принимал, потому что мой дед также воевал. Штык и винтовка – и всё. Что сказали то и делай. – «Уря-уря!». В принципе все войны одинаковы – так же стреляют, так же голодают, те же пленные, те же военные ошибки. Есть враг, полувраг и друг.

Цели операции не понимал. Но знал, что началась серьёзная война. Слышал о первой кампании, что это была бойня, продажность, братоубийство, полк шёл на полк, были чудовищные ошибки, политические разборки, в которых страдают прежде всего солдаты. Бойцы вообще ничего не знали. Война и война... Родина в опасности, и если не мы, то кто? Знали, что там несколько хорошо вооружённых банд, и всё – больше вообще никакой политработы. А чего хотел чеченский народ? Моральной и психологической подготовки к операции – вообще никакой не было. Я ехал и знал, что страну спасти нечего, страна не погибнет. А вот конституционный строй действительно висел на волоске. Это как детонатор: если бы не справились с Чечней, волна пошла бы дальше, на весь Кавказ. Дойдёт до детонатора, и хлопнуло бы так, что всё посыпалось. Россия бы осталась, но нас бы на 50 лет откинуло назад. Только сейчас я это понимаю. А тогда Россия – этот колосс – был непоколебим.

Я был молодой лейтенант, газет не читал, телевизор не смотрел, потому что некогда было. Знал только солдат, стрельбы, вождение техники. Я даже поест бегал, как в самоволку, через забор. Было вообще не до политики, мы выживали до войны, просто выживали, без зарплаты жили. Как бы пожрать, поспать. Когда я в отпуск домой приехал, зашёл на кафедру разведки, один наш преподаватель, сказал: «Я одного понять не могу – мы знали, кому служим, а вот вы – зачем служите? Я служу на кафедре разведки, одной на всю Россию, и до сих пор живу в общаге. А лейтенантом я свою семью возил на юг каждый год». Но служит, делится опытом, учит.

А моя задача была – как можно меньше потерять мальчишек и как можно дольше прожить самому. Выполнение задачи всегда было на втором месте. Потому что знал: это всё когда-нибудь кончится, и никому не нужно это паданье на доты, рвание тельняшек в рукопашке. Родина не ценит труд офицера, который живёт с солдатами, не получает зарплаты, заботится о жизни и здоровье лучших ребят. Да ещё приедет какой-нибудь генерал и тебя грязью обливает, что мама моя дерьмо, и папа дурак.

«Я думал о многом,

*Я думал о разном,
Смоля папиросой во мгле.
Я ехал в вагоне
По самой прекрасной,
По самой прекрасной земле...»*

Из журнала боевых действий 84-го отдельного разведывательного батальона:

«Разведывательная десантная рота 14 сентября, погрузившись в эшелон и следуя по железной дороге, 17 сентября прибыла к месту специальной командировки в г. Моздок, Северная Осетия. Личный состав 84-го орб прибыл к месту специальной командировки в количестве: офицеров – 24, прапорщиков – 16, сержантов – 49, солдат – 224. Всего военнослужащих – 313».

Владимир Самокруткин, командир батальона, подполковник:

– Ехали в Моздок очень быстро. На станциях только успевали залить воду и загрузить хлеб – и едем дальше. Заранее звонили комендантам станций, где нам взять воду и хлеб. Эшелон подошёл – уже нас ждут хлебовозки, и вода есть. Готовили пищу на ходу – прапорщики Ахмедов и Климович, молодцы, справились со своей задачей хорошо. Быстро раздавали термоса с пищей по вагонам, а там – по котелкам.

«Надо искать и таскать...»

Сергей Ахмедов, прапорщик:

– Загрузил «КамАЗ» продуктами, и нет чтобы уложить их в ряд – гречка, рис, макароны, сахар. Чтобы добраться до гречки, надо было через весь «КамАЗ» пролезть. В дороге остановка, я полез в этот «КамАЗ», он стоял на платформе. Где что искать? И так каждую остановку – гречка, сахар, надо искать и таскать. Такая же волокита с хлебом. Нас загнали на пути так, что машина с хлебом встала через пять путей. Как таскать полторы тысячи буханок под вагонами, да и не в чем! Покидали хлеб в простыни, одеяла, так и таскали под вагонами.

«Все, кто щёлкал фотоаппаратами, распластались у машины...»

Дмитрий Горелов, заместитель командира батальона по тылу, подполковник:

– В Моздок приехали ночью. Что это за город – никто не представлял. В пять утра команда: «Разгружаться!». Разгружаемся. Боевые роты сразу же ушли колоннами вперёд, а мы свои кухни стали вытаскивать из вагонов. Вижу – к эшелону подъехали две иномарки. Музыка играет, какие-то люди фотоаппаратами щёлкают. Старший прапорщик Игорь Климович прошёл первую чеченскую, и спрашивает: «Какого вы хрена здесь?» Берёт автомат, передёргивает затвор и стреляет в воздух. Эти все, кто щёлкал фотоаппаратами, распластались у машины. Через две-три минуты приехала милиция: «Ребята, Моздок – город-то мирный, не надо тут из автоматов стрелять...». Но у нас же разгрузка идёт, боеприпасы в вагонах, а тут посторонние. Тем более станция должна была охраняться. Разобрались, милиция пообещала, что при разгрузке эшелонов гражданские больше не появятся.

В Моздоке на место определили в военном городке рядом с аэродромом. Для чего приехали, что делать будем – пока неясно. Разместились с батальоном, узнали, где получать продукты, где заливать воду. В частях водовозки были на базе ГАЗ-66, а нам обязательно ёмкость надо было цеплять. Плюс в «Урале» переносные ёмкости на 400 литров. Тихо-мирно стали жить, ждать, что же будет дальше... Дни пролетели, как в тумане.

«Никто ничего не понимал...»

Алексей Трофимов:

– Приехали в Моздок, ещё не разгружались, вижу – ходит начальник физподготовки 237-го танкового полка и говорит нам: «Тут снайперы работают!» Никто ничего не понимал. Утром разгрузились, пришли на аэродром. Не успели заехать на место, где нам указали разместиться – уже одна группа ушла в сторону Чечни на рекогносцировку.

Приехали в Моздок, меня вызывает генерал Столяров, чтобы его охранять. Я отказался: «Извините, товарищ генерал, но я старшина роты, должен быть с ротой». Он обиделся на меня. Потом мы встретились в Гудермесе, от него узнал, что я получил звание старшего прапорщика. Тогда он заставил меня побриться. Столяров мне подарил шикарную разгрузку (жилет с карманами для ношения боеприпасов – авт.). Потом я отдал её Саше Соловьёву, ему она была нужней.

«Подгонять и воспитывать никого было не надо...»

Салех Агаев, заместитель командира батальона по воспитательной работе, майор:

– В Моздоке по концентрации войск убедились, что идём в Чечню. Конкретных задач ещё не знали. Но люди быстро поняли, что мирная жизнь закончилась. Сразу стали серьёзней. Подгонять и воспитывать никого было не надо. Не надо было заставлять солдат следить за оружием, за техникой.

Анатолий Маняк, командир роты радиоэлектронной разведки, капитан:

– Неделю простояли в Моздоке. Из событий тех дней запомнилось, как приезжал начальник разведки округа и линейкой верёвки на палатках ровнял, чтобы они под одним углом стояли.

Салех Агаев:

– В первую неделю у некоторых высших начальников ещё срабатывала привычка к показухе: всё должно быть ровно, палатки переставляли, чтобы стояли по линейке.

Хроника событий:

13.09.99 г.: взрыв жилого дома в Москве на Каширском шоссе.

15.09.99 г.: министр обороны России И. Сергеев доложил В. Путину, что Дагестан полностью освобожден от террористов. Путин заявил, что следы взрывов в жилых домах ведут в Чечню. Путин: «И в Киргизии, и в Узбекистане, и в Дагестане мы имеем дело с хорошо обученными международными террористами, которые пытаются установить новый мировой порядок».

16.09.99 г.: взрыв жилого дома в г. Волгодонске Ростовской области. Путин: «Сжав зубы, задушить гадину на корню. Если сегодня мы с вами этого не сделаем, завтра будет ещё хуже».

17.09.99 г.: Путин на заседании Совета Федерации назвал Хасавюртовские соглашения «ошибкой».

18.09.99 г.: ночью российская авиация нанесла удары по базам террористов на территории Чечни.

23.09.99 г.: нанесён ракетно-бомбовый удар по аэропорту им. Шейха Мансура (г. Грозный).

24.09.99 г.: Путин: заявил о необходимости бескомпромиссной борьбы с бандитами и террористами («Если террористы спрячутся в сортире, то мы и в сортире их «замочим»).

Законы Мэрфи о войне:

– Ни одно готовое к бою подразделение не прошло проверки.

– Ни одно прошедшее проверку подразделение не готово к бою.

«Ура! Мы теперь не одни!»

Александр Соловьёв, командир разведывательного десантного взвода, старший лейтенант:

– Приехал – знакомые палатки на аэродроме, мои бойцы подбежали: «Ура! Мы теперь не одни!» Они думали, что я не приеду. Я сразу понял, что приехал не зря. Какой там был моральный дух – да никакого!

Нам командир так прямо и сказал: ваша задача на этой войне – выжить. – «Вот вам весь мой приказ». Где противник, какие силы, какая организация, кто их питает – абсолютно ничего не знали.

«Оборачивались на каждый шорох...»

Андрей Мещеряков, разведчик-пулемётчик:

– В Моздоке стояли вокруг взлётного поля. Командиры ещё сами толком не представляли специфики, ничего до нас не доводили. Все надеялись только на себя. Первое время – никакого страха. Когда начался марш-бросок, почувствовали, что дело серьёзное. Утро, туман, зелёнка – это настораживало. Слышали, что чеченцы любят нападать на колонны под утро, в тумане. Стало боязно, когда узнали, что есть случаи подрывов машин. Страшновато было, когда охранял генерала. Туман, прохлада, оборачивались на каждый шорох. Боялись, что утром в тумане может быть нападение.

Хорошо помню марш-бросок в составе батальона, генерал Столяров ехал на БТРе нашего батальона. Опасных моментов не было. До Самашек доехали, и были только слухи, что кто-то попал в засаду. Где-то под Самашками генерала Столярова назначили комендантом Гудермеса, хотя город ещё не был взят. Меня назначили в охрану к генералу. Так я простился с батальоном, и с генералом Столяровым – через Хасавюрт – в Гудермес.

«Мы в Чечне или ещё нет?»

Дмитрий Горелов, заместитель командира батальона по тылу, подполковник:

– Вдруг поступает команда: «Выдвигаемся!». Боевые части – те быстро, палатку собрал и вперёд. А нам – столовую для офицеров надо собрать, все кухни должны быть к началу передвижения вымыты. Поехали, не поймём – мы в Чечне или ещё нет. Лесочек, полянка, где тут Чечня – ничего не понятно. Простояли здесь три дня – всё, уходим. Потом на одном озере простояли. Нам сказали, что всё время здесь будем располагаться. Днём прибыли, поставили столовую, пищу приготовили, не успели всех накормить – команда: «Уходим с этого места».

«Учились водить на марше...»

Андрей Середин, заместитель командира разведдесантной роты по воспитательной работе, капитан:

– Первый марш войск от Моздока до границы с Чечней – это была «эпопея». Колонны войск – какая-то полу-управляемая масса. Водители учились водить машины на марше. Об уровне подготовки части водителей БТР можно судить по такому случаю: ехали и встали ночью, водитель сказал, что закончилось топливо. Через несколько минут выяснилось: он просто не знал, что есть кран переключения топлива с одного бака на другой.

«Снимали, паяли, устанавливали...»

Сергей Поляков, заместитель командира батальона по вооружению, майор:

– Из исходного положения под Моздоком начался марш на технику, в Чечню. При совершении марша первой разведывательной роты скорость была высокая. Марш совершался по асфальтированной дороге. Командир роты резко остановил колонну, механик-водитель последней БМП не успел вовремя затормозить и ударил впереди стоящую машину. В результате аварии у стоящей впереди БМП разошлись по швам кормовые двери-баки, топливо пошло на землю, и башню заклинило. Машина осталась на ходу, но это уже трактор, такая БМП воевать не способна, если башня не вращается. Ещё четыре БМП вышли из строя из-за перегрева двигателя и недостатка масла в системе. Механики не приучены были проверять масло, охлаждающую жидкость и следить за контрольно-измерительными приборами. Эти четыре машины вышли из строя на марше, пришлось эвакуировать их в рембат, менять двигатели. Двигатели там были не всегда, механикам-водителям приходилось ждать...

А БТР-70 вообще за собой таскали на тросах: два двигателя работали тяжело, перегревались, не развивали мощности в горных условиях. Да и водителям в мирное время было не до практики, в связи с передислокацией батальона из Дзержинска в Нижний Новгород надо было жилые помещения и парковую зону обустраивать. Вот БТР-80 – показали себя хорошо, всю войну прошли без существенных поломок. Из колёсной техники в батальоне были «КамАЗы», «Уралы», ЗИЛы-131. У одного «КамАЗа» вскоре двигатель вышел из строя, вскрыли – заводской брак. В батальоне по штату не было эвакуационного отделения, поэтому нам нечем было эвакуировать технику. В случае поломки приходилось цеплять две машины, чтобы вытащить одну из грязи и грунта, покрытого ледяной коркой. Нужны были тягачи, для эвакуации колёсной техники (ТК-6) и гусеничный (БТС-4). Имелись у нас несколько МТЛБ-у роты радиоэлектронной разведки. Масса МТЛБ-у с аппаратурой намного превышала базовую, была в два раза тяжелее БМП-2. Машины были оснащены аппаратурой для ведения разведки, приходилось одну оставлять с собой, в ремонтном взводе и использовать как тягач для эвакуации техники. Часто расходились по швам масляные радиаторы, масло сильно текло, что приводило к заклиниванию двигателя! Снимали, паяли, устанавливали... Хорошо, что в ремонтном взводе были нормальные ребята, работу делали качественно. В батальоне перед погрузкой даже не было своей станции для зарядки аккумуляторов. Спасибо, полковнику Мартынову, начальнику бронетанковой службы 22-й армии, что помог получить зарядную станцию, а то вообще бы «труба».

Через два месяца службы в Чечне на такой технике механики-водители стали классными специалистами! Стали лучше следить за машинами, научились вовремя их обслуживать. Контрактники-водители автомобилей, в основном деревенские ребята, сразу показали большой опыт в эксплуатации машин.

«Ночью было видно, где идёт война...»

Дмитрий Горелов, заместитель командира батальона по тылу, подполковник:

– Место дислокации меняли часто. Не успеешь приехать, только разместишься, узнаешь, где вода, сутки-трое – опять менять место. Палатки, столы, стулья, все имущество надо погрузить, а людей нет, объём работы при погрузках был большой.

Первый хребет – Терский. Машины все – гружёные под завязку, «КамАЗы» с прицепами. Дороги такие, что не разъедешься. Если одна машина вставала, сразу её вторая вытаскивала. Где-то на этом хребте во время движения слышали первый бой. Нас сопровождали вертолёты, вижу, как они зашли на цель. Потом комбат рассказал, что человек пять боевиков в окопах сидели, теперь уже не сидят...

Горагорское – развороченные цистерны, полуразрушенные ещё с первой войны дома. Пошли вдоль хребта. Только ночью было видно, где идёт война. Слева ракеты взлетают, значит наши, так для себя думаешь. Одни части шли по хребтам, другие по равнине. Ночью, часов в 12 – работали «Грады», залпами.

Через несколько дней после перехода границы Чечни в действующие на её территории войска пришёл приказ: всех солдат, срок службы которых составляет менее полугода, собрать и вернуть в пункты постоянной дислокации частей.

«Зачем нам надо уезжать?»

Салех Агаев, заместитель командира батальона по воспитательной работе, майор:

– Эти ребята-срочники подходили ко мне, просили, чтобы их не отправляли на ППД (пункт постоянной дислокации – авт.): «Мы уже всё знаем, зачем нам надо уезжать?». Но приказ не обсуждается, решение было принято на государственном уровне. В сентябре-октябре надо было увольнять и ребят, которые отслужили. Хотя бывало, что и месяц ребята переслужили, никто не ныл.

«Многие даже плакали...»

Яков Чеботарёв, командир разведывательного взвода наблюдения:

– Меня с отделением оставили на какой-то кошаре под Горагорским охранять эту молодежь и ждать зам. командира батальона по вооружению майора Полякова. Заняли круговую оборону. Ребят было – человек тридцать, и все без оружия. У нас осталась БРДМ, пулемёт и моё личное оружие. К вечеру прислали нам на помощь старшего лейтенанта, вооруженца. Определили, где поставить посты. Ночью, чтобы было не так страшно – чёрт его знает, что может случиться – подвинулись к стоявшему рядом полку.

За себя не боялся, а вот за молодёжь – это было всегда. А как раз перед этим чеченцы вырезали в пехоте несколько человек, поэтому мы и боялись, знали, что они ночью с ножами вокруг ходят. Утром вернулись в кошару. Скоро приехал майор Поляков и забрал этих срочников с собой, увёз в Моздок. Как не хотелось этим солдатам уезжать из батальона – многие даже плакали. И стыдно им было перед ребятами, что всего их на полгода младше, а уезжают...

«Уезжали они со слезами...»

Елена Чиж, начальник медслужбы батальона, капитан:

– Когда этих мальчишек-срочников отправляли в Нижний Новгород, они все писали рапорта командиру, чтобы их оставили в батальоне. И ко мне подходили, просили, чтобы я уговорила комбата их оставить. Уезжали они со слезами. Как они не хотели уезжать!

«Были спасены десятки жизней...»

Владимир Самокруткин, командир батальона, подполковник:

– Отправка молодых солдат в казармы из зоны боевых действий – это было мудрое решение. Они были призваны в мае-июне, и мы не успели их подготовить. Этим решением были спасены десятки жизней. Хотя отмечу, что ребята практически все не хотели уходить из батальона. Для батальона эти сорок человек – потеря была не очень серьёзная, нам их сразу компенсировали контрактниками.

С приходом в батальон контрактников, или, как их часто называли – «контрабасов», моральный климат в части стал весьма существенно меняться...

«От законченных подонков до настоящих героев...»

Андрей Середин, заместитель командира разведдесантной роты по воспитательной работе, капитан:

– Первая партия контрактников пришла в батальон под Горагорским. Замена их на срочников, которые отслужили менее полугода, прошла в течение одного дня, поэтому мы не ощутили некомплекта. Многие из контрактников воевали в первой чеченской кампании. Пришли нормальные механики-водители, по крайней мере, такие, кто когда-то водил, сидел за штурвалом БМП, некоторые были из деревенских трактористов. Наводчики пришли – из тех, кто срочку служили на БМП.

В первой партии контрактников, по крайней мере, в РДР, были такие, что пришли воевать сознательно, реально отстаивать интересы Родины, защищать её, были идейно настроены. О том, что приехали сюда зарабатывать деньги, разговоров не было, тем более что конкретных обещаний денег пока и не было – всё на уровне слухов.

Владимир Самокруткин, командир батальона, подполковник:

– Контрактники, которых к нам присылали, все были разные. Контингент – от законченных подонков до настоящих героев. Мы вынуждены были брать тех, кого нам присылали, предварительно отбирать не могли. Есть, допустим, некомплект 30 человек – мне их и привозят на вертолёте. В батальоне с ними и знакомились, распределяли по ротам. Отсеивать непригодных мы не могли. Через 1—2 месяца такие сами уходили.

На боевые никто из контрактников ходить не отказывались, наоборот – рвались, даже из тыловых подразделений. Бывало, что прослужит контрактник месяц, два, три – и начинаются семейные проблемы. То жена заболела, то «кошка сдохла», хотя контракт подписывали на полгода. Приходили, просили расторгнуть контракт и отпустить домой...

«Выпить – дорогое удовольствие...»

Салех Агаев, заместитель командира батальона по воспитательной работе, майор:

– Были контрактники, что нас не устраивали. Однажды застали нетрезвыми двоих. Объявил от имени командира по десять суток ареста, они на это время были лишены «боевых». Рядовой получал в день 810 рублей, сержант – 830. Дорогое это было удовольствие – выпить.

«Надо же стресс снимать...»

Валерий Олиенко, командир отделения управления 2-й разведывательной роты, старшина:

– А расслабляться ведь тоже было надо, после того, как постреляешь, и в тебя постреляют. Понять-то можно. Надо же стресс снимать. Все – взрослые люди. Где находили? А для чего ОБМО существует? Они же ездили в Моздок.

Большинство контрактников – «солдаты удачи». Но некоторые быстро понимали, что здесь стреляют, и – обратно. Сходили один раз на боевые и всё – до свиданья. Написал рапорт, развернулся и поехал домой. Только вроде с человеком сработался, узнал его, а он – уезжает. Других прислали, опять знакомься, узнавай человека. У нас был один капитан внутренних войск, а воевал рядовым. У него на службе были какие-то проблемы. То ли его уволили, то ли сам ушёл. А ходил у нас простым разведчиком. Ну и что, что капитан, чем он отличается от других? Первый набор контрактников – все были классные пацаны, нормальные ребята. Некоторых выгоняли – раз залетел, второй. Сколько можно? Вот и выгоняли.

«Пренебрежения к молодым не было...»

Салех Агаев:

– Первый комплект контрактников был наиболее подготовленный. Ребята были солидные, многие служили в ВДВ, спецназе, разведке.

Контрактники себя «дедами» не чувствовали. Не было такого, чтобы – «Вы, срочники, идёте на боевые, а мы, контрактники, не пойдём». Пренебрежения к молодым не было. Фактов неуставных отношений вообще в той обстановке не было. В первой партии контрактников было много опытных солдат. Они увидели, что и наши солдаты-срочники многое умеют. Относились к ним не как к мальчишкам. Помню, как ко мне подошли контрактники и попросили: «Надо Липатова успокоить – опять хочет с нами идти на боевые». Старые солдаты его жалели, что парню скоро на дембель со срочной, должен остаться в живых, не стоит лишний раз жизнью рисковать.

А бравады не было. Бравада – у пехоты, ей это было больше присуще.

«На войну, как на заработки...»

Андрей Бирюков, начальник штаба батальона, майор:

– Мне запомнился один контрактник, было ему на вид 30 лет. «Живу, – говорит, – в деревне, летом по хозяйству, а зимой делать совершенно нечего. Пока идёт война, я полгода зимой здесь воюю, а на лето уезжаю в деревню». Раньше русские мужики на заработки ездили плотничать, что-нибудь строить, а теперь – воевать...

«Когда протрезвели, свалили по домам...»

Пётр Ерохин, заместитель командира взвода, старшина:

– В 1989 году меня призвали в ВДВ, после учебки попал сапёром в разведроту в Фергану. Знаю, что такое гасить межнациональные конфликты: участвовал в событиях в Узгене, в Оше. После срочной было Приднестровье, Абхазия, первая чеченская кампания. Распад Союза происходил на моих глазах, и параллельно – распад армии. За службу в ВДВ у меня было 54 прыжка – на воду, на ограниченную площадку, затыжные прыжки.

В разведбатальон пришёл по контракту. В Мулино, в казармах, нас собралось триста человек, на пополнение дивизии. Почти сразу же начались пьянки – некоторые водку жрали, как лошади. Орловцы начали панику наводить, что половина группировки в Чечне уже слегла, и нас на убой повезут, поэтому, дескать, давай деньги заберём, аванс, здесь побухаем, там они нам не понадобятся, последний раз погуляем. Нас, несколько человек, которые должны были идти в разведбат, перезнакомились, и я этих пацанов поднимаю на орловцев: «Мразь, вас, из кричащих, половина до Чечни не доедет, в своей блевотине сознание потеряете, остальные – после первого выстрела свалите». Я и Сергей Вихрев осадили этих истериков. Многие из них, когда протрезвели, то свалили по домам.

Через два-три дня пребывания в Чечне половина «контрабасов» стали собираться домой. У нас было два ящика лука заготовлено, я понимал, что впереди зима, пригодится. Так они стали луком кидаться! – «Ублюдки, – говорю, – вы что творите? Вы это добывали? Езжайте отсюда!». И они собираются, а один боец сказал мне, что эти балбесы, наверное, ради шутки напоследок сварили нам в отместку пулемётные ленты. По внешнему виду патронов не увидишь – сварены они или нет, надо проверять. Говорю об этом командиру роты старшему лейтенанту Гагарину: «Надо проверить, отстрелять по десять патронов с каждой ленты». – «Нет! Начнутся вопросы ко мне, почему стрельба! Идите так!». Нам завтра как раз идти на задание. – «Вы в своём уме? А если они сварены, и у меня два пулемёта не будут работать? Это же ляжет подразделение в бой!». Гагарин упёрся. Тогда я сам приказал пацанам отстрелять эти ленты.

На войну едут по разным причинам. Один от жены, кто-то от долгов, от тюрьмы. Причин – масса. Но там остаются только те, кто в голове своей держит цель, что эта война – за Родину. Большинство в батальоне это понимали. Кто хотел только денег, понял, что так тяжело они не зарабатываются, а можно и трупом оказаться. Кто бежал от проблем, тоже поняли, что здесь от них – не отдых, не прогулка. Остальные, у кого был стержень патриотизма, понимали, что это война с демонами за Россию. Чем больше их здесь ляжет, тем меньше будет взрывов в городах России. Только идея движет нормальным воином! Если ты её не найдёшь – тебе на войне делать нечего.

«С алкашом идти в разведку...»

Иван Кузнецов, командир взвода, старший прапорщик:

– Контрактники... Были такие, что прямо говорили: «Приехали за деньгами». С одной стороны их можно понять: развал Союза, безденежье. Были такие, что каждый день находили выпить, я некоторых и трезвыми не видел. Какую-то аптеку принесли, ящик спирта. Зайдёшь в палатку – он спит, проснётся, стакан махнёт, и спать. Майор Паков у таких просто рвал документы: «Уходи отсюда! Ты мне не нужен». Не дай бог с таким алкашом завтра идти в разведку.

А вот срочники, особенно механики-водители – приходят с боевых, и не есть садятся, а оружие чистить, технику готовить. И никто их не заставлял, сами понимали, что завтра тебе ехать на боевую операцию, подведёт оружие или техника – сам погибнешь и товарищей погубишь...

«Хотел заработать на жизнь, а получилось – на смерть...»

Евгений Липатов, старший разведчик-пулемётчик, рядовой:

– В нашей роте тех, кто отслужил год, осталось всего восемь человек, плюс полутора-годовичники, тоже несколько человек. Пришли контрактники – кто в первую кампанию был в Чечне, кто в Абхазии, кто в Афгане. Были такие, что без войны уже не могли жить. Где какая-нибудь война – они туда.

У нас костяк из контрактников подобрался хороший. При первом задании – стычка, перестрелка, они сами уже соображали: стоит ли оставаться? И такие отсеивались. Оставались те, кто для себя решил конкретно. А потом нормально стало. Жалко было молодых погибших контрактников, кто только что семью завёл. Сидишь с ним, разговариваешь, а завтра – нет его. Для чего ты сюда приехал, за деньгами? Но мало ли что здесь может случиться! Ладно мы, срочники, ни семьи, ни детей. Хотел заработать на жизнь, а получилось – на смерть...

Михаил Курочкин, гранатомётчик, рядовой:

– Один парень отслужил срочку, денег нет, а жениться надо – и пошёл зарабатывать на свадьбу к нам в батальон контрактником. Неделю у нас побыл – уехал грузом «двести»: прямое попадание из гранатомёта. Заработал себе не на свадьбу, а на поминки... Яскевичу оставалось два года отвоевать до военной пенсии. Он единственный в роте, у кого был краповый берет. Погиб под Дуба-Юртом, оставив дома сиротами четверых детей.

Однажды Президент России Владимир Путин, вспоминая начало второй чеченской кампании, с горечью сказал: «Армия в стране – миллион четыреста тысяч, а воевать – некому...».

«Военкоматы набирали пьяниц и бомжей...»

Александр Соловьёв, командир разведывательного десантного взвода, старший лейтенант:

– В начале кампании мне случайно довелось говорить с одним генералом из Генштаба. Я спрашивал, почему нам присылают не боеспособных обученных солдат, а собирают со всей страны контрактников, кого ни попадя, лишь бы согласился ехать в Чечню. Генерал отвечал примерно так: «Начался конфликт в Чечне. Чтобы разгромить бандформирования, по нашим расчётам требуется 80 тысяч штыков, не считая техники. Мы стоим вокруг карты, и в воздухе один вопрос: где взять эти 80 тысяч штыков. В России! Чечню можно одним пальцем закрыть на карте, давайте 80 тысяч солдат, и – проблема решена, но где взять 80 тысяч? В чём дело? Смотрим по карте дислокацию войск. Тут дивизия – кадрированная, здесь – кадрированная. В других – офицеров нет, увольняются, солдаты бегут. На карте – армии, группировки, дивизии, а воевать послать некого. Из деревень в армию призывают с дистрофией! Первые три месяца солдата откармливаем, чтобы он хотя бы сапоги мог носить. Один деревенский парень мне сказал: „Ничего себе, здесь каждый день мясо дают!“. Сначала срочников послали воевать, но пришлось вернуть: что это за солдат – всего полгода служит, винтовка с ногами, не поймёшь, кто кого несёт. Вот и пришлось собирать контрактников, да, порой со СПИДом, сифилисом, гепатитом, уголовников, но лишь бы только закрыть людьми эту дыру».

Настоящих, подготовленных солдат в стране как будто и не было. Военкоматы, в основном, набирали контрактников – пьяниц, бомжей, убийц, уголовников, зачастую прошедших медкомиссию формально. А ведь при ранениях кровь берут у тех же солдат-товарищей. Брали всех, и даже разрешали подписать контракт на полгода, хотя минимальный, по закону – на три года. Многих набирали в один конец. Захочется иному такому «воину» пострелять по людям, приползёт в деревню и давай стрелять по всем подряд из автомата, просто так. И таких «шутников» хватало. Наркоты нажрётся, и давай «творить чудеса». В лучшем случае ему сами же ребята переломают кости и бросят в вертолёт. Приедет такой «воин», один день побудет в батальоне, напьётся, хватается за оружие, его разоружают и – в вертолёт. Один день попил в Чечне водки – и он ветеран.

Сначала таких, кто шёл действительно воевать – было 30 процентов, остальные мусор и шваль. Конечно, были среди контрактников и очень хорошие ребята. И я очень горд, что судьба свела меня с ними. Приходили бывшие менты, тыловики, бывшие десантники, все бывшие, но разведчиков, кто срочную служил в разведке – единицы. Пришёл такой дядя 35 лет, служил в милиции. Он рвёт на себе одежду, орёт – «духи»! «духи»!». И как этому дяде объяснить, что надо делать в разведке? Как хочешь, а с ним завтра идти в поиск. И шли. И получали по зубам. Потом они работали всё лучше и лучше. Срабатывал и механизм выталкивания из группы таких, кто не может к нам притереться. Ребята понимали: от того, что этот дядя не может или не хочет делать так, как хочет командир, в итоге погибнут все. И происходило отторжение. Бывало и так: приходят ребята к такому, который не вписывается в группу и говорят: «Жить хочешь?» – «Хочу». – «Иди к командиру и отказывайся идти с нами на задание». В процессе жития, конфликтов, неурядиц было видно, кто с кем может разговаривать, вместе работать, кто за кого может глотку порвать. Однажды в группе выявили наркомана. Он из аптечек у своих же товарищей вытаскивал тюбики промедола, протыкал их, выкачивал наркотики и закачивал воду. Ему переломали все рёбра, бросили в вертолёт и отправили обратно в Россию.

Елена Чиж, начальник медслужбы батальона, капитан:

– Это был грузин, стервец. Зашли к нему в палатку и под матрасом нашли два-три пустых тюбика из-под промедола. Для меня это был шок.

Обезболивающие – промедол, мы получили в Моздоке. А когда поехали, со мной было всего три ампулы. Получили 600 ампул, и сдуру я промедол сначала раздала – когда начались боевые выходы. Сначала выдала и в тыловые подразделения, потом их пришлось забирать, чтобы не использовали не по назначению.

«Мне предложили выбрать войну или тюрьму...»

Александр Соловьёв:

– Одна партия контрактников была – настоящие уголовники. Один из них прямо сказал: «Мне предложили выбрать войну или тюрьму. Я выбрал войну». Другой на второй день меня спрашивает: «Командир, когда вы нас на мародёркупустите?». На сафари мужик приехал! – «А что, там за это сажают, а здесь можно!». Такие «воины» полностью на совести военкоматов.

Прилетает вертолёт, а перед посадкой я трое суток эту вертушку вылавливал, все маршруты рассчитывал, чтобы эту «корову» «духи» не сбили. Выгружается толпа «контрабасов», и они уже расписаны, кто в какую роту. За меня всё решали, приходилось брать из того, что дают. Смотрю – стадо ободранных чумарей, глаза – как на именины приехали. Через день их обратно в вертолёт, как тесто засовываем.

Владимир Паков:

– Когда я в конце февраля вернулся из госпиталя, за один день уволил 32 человека – за хищения боеприпасов и пьянки. Контракт элементарно можно было прервать. За пьянку – сразу. Один контрактник мне сказал: «Я буду только на кухне, на боевые не пойду». – «Ты воевать пришёл или на кухне сидеть? Свободен!». Обстановка в Чечне не способствовала воспитанию личного состава, жизни бы людей сохранить.

А шли к нам – из-за нищеты. Были такие мужики, что рассказывали: в деревне за работу получали по 20 рублей в месяц и осенью мешок чего-нибудь. Военкоматы брали всех, кто хочет.

Каждый человек, когда выпьет, ведёт себя по-разному. Попробуй угадай, что у него в голове, когда выпьет? Может быть, он за автомат возьмётся! А если в горы утром, то вечером даже если всего 50 граммов выпил – уже тяжело идти, подведёт товарищей, надо же много на себе нести – оружие, боеприпасы.

Алексей Трофимов:

– У нас в роте был костяк, хорошее управление, мы хорошо знали друг друга. Да, были среди контрактников отморозки. Александр Соловьёв, он великолепный психолог, в первый же день брал их на задание, ставил в такие условия, что наутро они уходили в другую роту или вообще уезжали. Оставались в роте те, кто пришёл не ради денег, а воевать именно за Родину, чтобы уничтожить бандитов.

Александр Хамитов, командир 2-й разведывательной роты, старший лейтенант, Герой России:

– В ноябре пришли первые контрактники. Люди были разные, но атмосфера в коллективе зависит от командира, поэтому никаких претензий у меня к своим солдатам нет. Ни один из них ни разу не подвёл меня. К срочникам относились, как к младшим братьям, берегли их, опекали. Хотя были и такие, кто пытался показать себя «супер профи». Таких хватало до первого боя, потом домой досрочно, по собственному желанию.

В общей сложности через батальон за вторую кампанию прошло более 800 человек – без малого три штатных состава. Такой была «текучка кадров» из-за качества присылаемых военкоматами контрактников.

*«Офицеры России —
Вся надежда на вас...»*

Как видели начинавшуюся новую кампанию те офицеры, кто прошёл первую чеченскую...

«Все рвались в бой...»

Александр Куклев, начальник разведки дивизии, подполковник:

– В первой чеченской кампании я не участвовал, был в других аналогичных местах. Главным для меня, думаю, что и для всех офицеров батальона, было найти своё место на этой войне, навсегда и безоговорочно заставить прежде всего себя выполнять эту опасную работу, сделать её будничной. В те дни мы об этом не думали, но это витало в воздухе. Поэтому офицеры были примером в выполнении боевых задач.

Вопреки требованиям Боевого устава, оргштатной структуры подразделений, все рвались в бой, да и задач было больше, чем командиров, способных их исполнять. Много раз отчитывал Самокруткина, за то, что он шёл на боевой выход без моего разрешения. Его задача – готовить людей на боевые, обеспечивать ведение разведки. То же самое неоднократно приходилось делать и самому.

«Командование требовало: беречь людей!»

Владимир Самокруткин, командир батальона, подполковник:

– Для первого периода кампании было характерно то, что войска хотя и шли лавиной, но с минимальными потерями. Войска, и командиры особенно, старались действовать очень аккуратно. Командование требовало: беречь людей! Никаких рисков, чтобы не было командирского самоуправления!

Наш батальон шёл впереди главных сил группировки, обеспечивал движение колонн мотострелковых подразделений и артиллерии. Задачи батальону ставил подполковник Куклев, иногда приказы получали напрямую из штаба группировки.

Из событий этих дней запомнилось, как на блокпосту дивизии оперативного назначения внутренних войск снайпер боевиков убил двоих или троих человек. Причём, пуля в одно ухо вошла, а в другое вышла. Нашли бетонный колодец, где сидел этот снайпер, а там – салфетки со следами губной помады. Эта женщина-снайпер даже выходила на связь с командованием дивизии, дразнила. В этом же районе ликвидировали кочующий на «КамАЗе» миномёт боевиков – навели авиацию. Произвёл впечатление и занятый нашими войсками лагерь подготовки боевиков под Самашками. Там же был сильный оборонительный пункт противника.

Алексей Трофимов, старшина разведдесантной роты, старший прапорщик:

– Надо отдать должное генералу Шаманову. Да, он матерщинник, суровый, но разведчиков вместо пехоты не использовал. Это стало позднее, в отсутствие командующего группировкой – на Гикаловских высотах, под Дуба-Юртом. В самом начале – как положено: разведка, танки, пехота. Это уже потом пошла гонка за орденами.

Владимир Паков, зам. командира батальона, майор:

– И Шаманов использовал разведчиков как штурмовые подразделения! – «Пехота пойдёт за вами!». Спорить с ним было бесполезно, можно было и звания лишиться.

«Учили опыт первой кампании...»

Андрей Середин, заместитель командира разведдесантной роты по воспитательной работе, капитан:

– Новая война представлялась более организованной, чем первая кампания, хотелось верить, что она пойдёт тактически более грамотно. Один из главных просчётов первой кампании – недооценка и неумение вести идеологическую работу с противником и местным населением. Тогда чеченцы нас откровенно превзошли в агитации и пропаганде, в разведке. С первых дней новой операции мы почувствовали, что те промахи учтены.

В войсках знали, что утечка информации – это потери. До начала военных действий о боевых задачах никто, из не имеющих к ним прямого отношения, ничего не знал, только непосредственный исполнитель. Даже внутри батальона никто не знал, кто куда идёт, и какую задачу будет выполнять. Так и должно было быть. Тактически грамотно отрабатывались боевые задачи. Вспомнили наконец-то опыт Афганистана, учили опыт первой кампании. Да и в организационном отношении мы чувствовали себя уверенней. В первую кампанию войск было не меньше, но сейчас согласованности родов войск было больше. В той кампании у ВДВ был свой командующий, у внутренних войск – свой, у пехоты – свой. Поэтому случалось, что свои же подразделения били друг друга, несли неоправданные потери. Сейчас было единое командование, единая группировка. Чувствовалось, что мы контролируем ситуацию, и противника застанем врасплох.

Основная часть офицеров нашего батальона хорошо знали друг друга – это тоже было очень важно. Шло даже какое-то соревнование. Например, приходит разведгруппа из соседней роты – в пять часов утра, уже бойцы бегут спрашивать, как сходили, что видели.

Но далеко не всегда война шла так организованно, как хотелось бы...

«Сидит стратег за картой и рулит...»

Александр Соловьёв, командир разведывательного десантного взвода, старший лейтенант:

– Где-то в первые дни нашу группу десантировали на вертолётах на помощь группе спецназа ГРУ. Летели на бреющем. Вылетели утром, пока прилетели – светло, 11 часов дня. Группу ГРУ выбросили на незнакомой, простреливаемой противником местности. Едва их вертолёт скрылся за горизонтом, начался бой. Через час группа ГРУ перестала существовать. Только успели передать сигнал о помощи. Пока мы экипировались, вооружились, пока нам подогнали вертолёт, пока долетели – там уже трупы дымились. Из шестнадцати человек выжил один прапорщик, зам. командира группы. Мы его грузили – он весь перебитый был. Прапорщик рассказал: «Командир группы говорил командованию: «Ну, так не делается, ну, выбросьте нас за сутки раньше, но ночью». – «Нет, вы должны быть выброшены тогда-то, а к обеду вы должны быть там-то». Сидит стратег за картой и рулит. В вертолёт – и вперёд! Высадили спецназовцев на голую гору, прямо в лапы бандитов.

Я видел трупы наших убитых: в головах пули торчат, ёршиком, пуля череп пробивает, и сердечник с другой стороны головы торчит. По магазину в каждую голову всадили точно. Прапорщик был весь в дырках, не уверен, что жив остался. Всё их оружие «духи» собрали. Это были бердские спецназовцы, они лежали – в задроченных, дырявых ботинках, пятки стёртые, пошорканная форма, драные разгрузки, которые даже боевики не взяли, постеснялись. А потом я видел трупы боевиков: рыла откормленные. У наших – даже у мёртвого полуголодный взгляд. Как после этого выполнять приказы? Недоверие к командованию было полное. У бандитов экипировка была новая, чёрные комбезы, удобные разгрузки. У моих бойцов – штопаные, от ментов подаренные, от добрых тыловиков забранные. Тыловики все ходили в «нулёвых» стандартных разгрузках, а мои бойцы – на трофейной машинке «Зингер» шитые, с рюшечками. Когда попросишь новые у тыловиков – дадут, за водку. Нет – дашь им в лоб автоматом. Видел, как на ЦБУ все офицеры были отлично экипированы.

«В тылу всё есть, но не на всех хватает...»

Александр Куклев:

– На ЦБУ (это значит на КП группировки) все ходили в полевой форме одежды, без оружия и снаряжения. Если военный до зубов вооружён и защищён носимой бронёй, да ещё и в разгрузке – точно, тыловик: кругом опасность, нужно защищаться. Я, например, себе разгрузку выцганил у комдива. Нагло пристал к нему и выклянчил. Что поделать, в тылу всё есть, но не на всех хватает. А вообще то разгрузки, которые шли на обеспечение войск, оседали в коммерческих ларьках в Моздоке, затем на Ханкале. Были и такие случаи.

Алексей Трофимов:

– Бронежилет должен был идти в комплекте вместе с разгрузкой, но до нас доходили только бронежилеты. Доставали себе разгрузки сами, «Шмелей» (ручной противотанковый огнемет – авт.) у нас было много – валялись, так меняли их в ОМОНе на разгрузки.

«Разгрузки купили в магазине...»

Александр Ступишин, старшина 1-й разведывательной роты, старший прапорщик:

– Разгрузок, когда поехали, не было вообще, ни у кого, ни одной. Мы с капитаном Третьяком их себе купили в магазине в Моздоке, за 500 рублей. Ну не дурость ли: в магазинах для штатских армейские разгрузки есть, а в войсках, для военных – их нет! Многие ребята разгрузки шили сами. Всё необходимое из имущества приходилось выбивать, как, например, горные ботинки.

«За вещь спросят, а людей новых пришлют...»

Александр Соловьёв:

– А те, кто идут в расход – зачем одевать солдата, если он завтра сдохнет? И мы все это понимали. – «Зачем я буду тебя экипировать, ты же идёшь в бой. Как потом списывать новое снаряжение? Самим что ли платить?». Так на войне цена жизни уменьшается до стоимости камуфляжа.

На войне вещь стоит дороже жизни. За утраченную вещь спросят, а людей новых пришлют. Как в ту войну: Россия большая, бабы новых солдат нарожают.

«На нас экономили...»

Александр Хамитов, командир 2-й разведывательной роты, старший лейтенант, Герой России:

– Обидно, что на нас экономили. До конца войны мы не получили ни одной разгрузки. Добывали их, где могли, сами шили из плавжилетов, обменивали у сотрудников МВД, спецназовцев. А ведь экипировка – важнейшая деталь для разведчика.

Средства связи не выдерживали никакой критики. Надёжность связи была минимальной, хотя наши связисты и делали всё возможное.

Оружие, утверждённое по штату, не всегда было оптимальным, а новых образцов мы вообще не видели. Приборы ночного видения в расчете один на взвод – это смех сквозь слёзы.

А если бы мы всё необходимое получали по заявке быстро и адресно, то результаты нашей работы были бы еще лучше.

Спасибо, что в информационном плане кампания 1999 года нашла поддержку в стране, но на местах солдат по-прежнему тыкали тем, что их никто никуда не посылал.

Из армейских перлов:

– Армия – не дойная корова, и вы меня не сосите.

Что представлял из себя противник, какой была тактика его действий? На основе опыта боев в Дагестане и в Чечне командование Вооруженных Сил подготовило методическое пособие, которое должно было помочь нашим войскам в этой операции. Увы, этот действительно ценный документ в то время нашим войскам, и особенно разведчикам, был ещё не известен...

Некоторые вопросы организации и тактики действий незаконных вооруженных формирований Чеченской Республики

Методическое пособие подготовлено на основе добытых оригиналов документов по обучению диверсионно-террористических групп на территории Чечни, а также опыта ведения боевых действий с чеченскими бандитскими группировками в августе-октябре 1999 года.

Пособие предназначено для изучения тактики действий чеченских бандформирований личным составом разведывательных, мотострелковых, десантно-штурмовых подразделений ВС РФ и специальных подразделений ВВ МВД, а также для практического использования при выработке контрмер в борьбе с диверсионно-разведовательными группами и бандформированиями.

Введение

Опыт пресечения бандитской деятельности исламских экстремистов в ходе контртеррористической операции в Северо-Кавказком регионе свидетельствует о том, что тактика действий бандформирований, противостоящих федеральным войскам, претерпела существенные изменения. В настоящее время, наряду с традиционными формами, она включает в себя также широкомасштабные наступательные и оборонительные действия по захвату и удержанию важных стратегических объектов, характеризуется широким спектром бандитских проявлений: от террористических акций до открытых вооруженных выступлений мелкими (15—20 чел.) и крупными (до 500 чел. и более) группами.

Вместе с тем, по-прежнему основополагающими принципами тактики действий бандформирований являются внезапность, решительность, дерзость и кратковременность налетов. Важнейшим фактором, определяющим специфику действий бандформирований, является проведение систематических «беспокоящих» действий, которые вынуждают войска прибегать к оборонительной тактике, как это было на протяжении практически двух месяцев в пригра-

ничных с Чечней районах Дагестана. Более того, они создают впечатление о способности бандформирований наносить удары в любом месте, подчас совсем неожиданным. «Беспокоящие» и «изматывающие» операции составляют основу тактики действий бандформирований, стремившихся, как правило, уклониться от прямого столкновения с крупными силами федеральных войск. В основе их действий в данном случае лежит упреждение в открытии огня, который ведётся метко и преимущественно с коротких дистанций. Вместе с тем, как показал опыт чеченской кампании и особенно события в Дагестане, бандформирования в отдельных случаях при достижении тактического преимущества делают попытки захвата и длительного удержания важного в тактическом плане или в плане жизнеобеспечения населения объекта. Это свидетельствует о новом этапе развития тактики вооруженного противоборства сепаратистов с федеральными войсками и ставке руководителей бандформирований на долговременное и ожесточенное сопротивление.

Организация и вооружение незаконных вооружённых формирований Чечни

Вооружённое формирование – это крупное военизированное соединение, руководимое авторитетным политическим или военным лидером, созданное для силовой защиты интересов определенной финансово-экономической и политической (религиозной) группировки. Вооружённое формирование, как правило, включает представителей одного или нескольких родственных тейпов (джамаатов). Вооруженное формирование организационно состоит из командира (командующего), штаба и двух группировок (на период боевых действий до 500 человек каждая).

Группировки в свою очередь подразделяются на боевую, предназначенную для непосредственного проведения операции в указанном районе, и резервную, предназначенную для наращивания усилий и плановой (как правило, через неделю) замены воюющих боевиков. Группировка делится на пять-шесть отрядов (по 100 человек и более), которыми руководят амиры (полевые командиры). Отряд, как правило, состоит из трёх групп.

Первая – центральная группа (до 100 чел.), которая постоянно находится с амиром в боевом состоянии и не имеет постоянного места дислокации. Вторая группа (количество зависит от размера территории и может составлять до 20 чел.) находится в населенном пункте. Эта группа подчиняется, контролируется и имеет связь только с амиром. Члены группы прошли обучение в специальном учебном центре и специализируются на минировании, снайперской стрельбе и диверсионно-разведывательной деятельности. Боевики второй группы глубоко законспирированы и занимаются легальной общественной деятельностью. Третья группа – группа «помощников». Это единомышленники и сторонники амира, проживающие у себя дома. С целью экономии финансовых средств эта группа не находится постоянно с отрядом. В случае приказа амира они являются к нему и выполняют задание, затем снова возвращаются домой и занимаются обычным делом или действуют самостоятельно с согласия амира. Таким образом, центральная группа является основным формированием отряда и состоит из трёх взводов по три отделения в каждом. На вооружении группы имеется только лёгкое в переноске оружие, так как она постоянно находится в движении, совершает нападение и уходит. Время, место и цель нападения назначаются амиром.

Примерное вооружение и экипировка отделения бандформирований:

Радиостанции – 2 шт., бинокли – 2 шт., карта местности – 2 шт., патроны 7.62 мм к ПК – 1000—1300 шт., 5.45 мм – 500—600 шт., 4 шт. РПГ-18 «Муха»; каждый боевик имеет флягу для воды, запасную одежду, плащ-накидку, спальник мешок, лекарства, сухой паёк на 7 суток.

Тактика действий чеченских экстремистов в ходе агрессии на территории Республики Дагестан в августе-сентябре 1999 года

Тактика действий вооруженных экстремистов и дагестанских сепаратистов в операции на территории Республики Дагестан включала, в основном, два этапа:

Первый – подготовка к проведению операции; второй – непосредственное проведение боевой операции и террористических актов. Руководством экстремистов для проведения вооруженной акции в Республике Дагестан были заранее определены три района: западнее БОТЛИХ, вблизи н. п. АНДИ и район ГИГАТЛИ. Соответственно, были созданы три вооруженных формирования: главное и центральное под руководством Шамиля Басаева, северное – Ширвани Басаева и Южное – Багаутдина. Всего в составе формирований, оценочно, насчитывалось до 3000 боевиков. Формирования структурно делились на батальоны (по 50—70 чел.), роты (по 15—20 чел.) и взвода (по 5—7 чел.).

Подготовка к проведению операции и террористических актов

Этап подготовки к операции предполагал проведение детальной разведки и непосредственную подготовку боевиков и района боевых действий.

Детальная разведка района операции включала в себя: изучение местности, путей подхода, труднопроходимых участков и дорог в ущельях, господствующих высот, естественных укрытий, источников воды. Разведку мест расположения федеральных войск, их системы охраны и обороны, мест хранения оружия и боеприпасов, военной техники, характера деятельности войск, маршрутов выдвижения для проведения в последующем засад и минирования дорог. При ведении разведки велась детальная видеосъемка.

Непосредственная подготовка операции

Отработка плана (распределение сил и средств на объекты, времени и последовательности проведения операции). Создание складов и тайников оружия, боеприпасов, продовольствия и запасов воды. Вербовку местных жителей на основе религиозных, национальных и родственных принципов, идеологическую обработку выявленных сторонников и проведение с их помощью пропагандистских мероприятий для привлечения как можно большего числа жителей на свою сторону. Проведение переговоров с администрацией и местными жителями путём убеждения, подкупа или угрозы с целью обеспечения их поддержки и проведения совместных с боевиками действий или же не препятствования их действиям против Федеральных сил; создание отрядов и набор наёмников из числа местных жителей. Боевая подготовка подразделений в базовых лагерях и учебных центрах.

Проведение операции и террористических актов

Операцию вооружённых формирований чеченских экстремистов и местных сепаратистов можно условно разделить на четыре периода: разведка маршрутов выхода и захват подступов к населённым пунктам, выход передовых отрядов, разоружение работников милиции и инженерное оборудование района, выход и занятие района основной группировкой, ведение боевых действий против федеральных войск и отход.

Разведка маршрутов выхода и захват подступов к населённым пунктам проводилась в ночное время головными дозорами по 5—8 человек (пулемётчики 1—2, гранатомётчики 2—3). После подхода к населённым пунктам и занятия крайних домов или хозяйственных построек, головными дозорами организовывалось наблюдение, затем, если нет опасности, отдавалась команда на действия передовых отрядов. Передовые отряды, как правило, захватывали населённый пункт с двух направлений. После разоружения работников милиции проводили идеологическую обработку населения направленную на убеждение жителей, что боевики только ведут борьбу за веру среди «неверных».

Одновременно, проводились мероприятия по организации системы наблюдения, связи и инженерному оборудованию местности. При этом для оборудования блиндажей, укрытий для боевиков и техники, складов боеприпасов использовались местные жители. После полного захвата населённых пунктов и частичного их инженерного оборудования, в ночное время, на автотранспорте (КАМАЗ, УАЗ, УРАЛ и легковые автомобили) с использованием средств светомаскировки, осуществлялся выход основных сил незаконных вооружённых формирований (НВФ). Для размещения основных сил НВФ занимали подходящие дома местных жителей

(выгодные в отношении расположения), здания больниц, школ, предприятий. Жители занятых домов выгонялись под угрозой авиаударов и налётов артиллерии со стороны федеральных сил. На начальном этапе, прикрываясь «законами шариата» у некоторых жителей забирались продукты, скот, имущество. Позднее, с началом боевых действий боевики открыто занимались мародерством, грабежами, угоном автотранспорта для передвижения, инженерной техники (трактора, бульдозеры и т. д.) для восстановления дорог и оборудования окопов. С началом боевых действий против федеральных войск, вооружённые формирования чеченских экстремистов и дагестанских сепаратистов в своей тактике использовали классические приёмы действий в горах и населённых пунктах: захват господствующих высот, перевалов, выгодных маршрутов и размещение там огневых средств.

Для ведения огня широко использовались закрытые огневые позиции, пещеры и подвалы домов в населённых пунктах. Зенитные установки для прикрытия боевиков, как правило, располагались на господствующих высотах, однако огонь на поражение открывался после выхода цели на минимальное расстояние. Широко применялось минирование местности.

Как особенность боевых действий, следует отметить применение небольших групп состоящих из миномётного расчёта, гранатомётчика и пары снайперов. Стрельба снайперов проводилась под прикрытием звука миномётных и гранатомётных выстрелов из пещер или других укрытий. После захвата района из нескольких населённых пунктов, проводилась работа по проникновению боевиков в тыл ФВ для организации очагов сопротивления в глубине районов расположения войск (Буйнакск, Махачкала, на Хасавюрт и Кизлярском направлении) с целью отвлечения части их сил. Высылались диверсионные группы с задачей отсечь пути подвоза средств снабжения войск (дорогу на Ботлих). После нанесения авиационных ударов проводилось усиление маскировки и инженерного оборудования. Повторяя опыт боевых действий в Чечне, была организована строгая ротация боевиков. Замена уже воевавших на свежих осуществлялась из резервной группировки, отход проводился по команде на автомобилях в Чечню на заранее подготовленные базы отдыха.

Для осуществления отхода боевики использовали небольшие группы прикрытия (1—2 миномётных расчёта, 2 расчёта крупнокалиберных пулемётов, 2 снайпера, 2 гранатомётчика, 1—2 расчёта АГС-17). Велась видеосъёмка боевых действий, особенно когда ситуация развивалась благоприятно для боевиков, видеоматериалы затем использовались для поднятия боевого духа исламистов (нанесение показательных ударов по вертолётам).

Особенности ведения боевых действий боевиками на территории Чеченской Республики в октябре 1999 года

Понимая бесперспективность открытого вооружённого противостояния с ФС (федеральные силы – авт.), руководство БФ (бандформирований – авт.) приняло на вооружение тактику очаговой обороны, засад, «ловушек», стремительных рейдов и налётов мобильных отрядов, особенно в ночное время. С этой целью населённые пункты Ищерская, Горагорск, Наурская, Алпатово, Виноградное были превращены в узлы обороны. Боевики, как и в первом чеченском конфликте 1994 года применяют методы партизанской войны, основанные на постоянном ведении разведки, быстротечности и военной хитрости. Не вступая в непосредственное противостояние с ФС, БФ предпочитают действовать малыми группами (3—5 чел.), включающими гранатомётчика, снайпера, пулемётчика и 1—2 автоматчиков. На результат с нанесением больших потерь не рассчитывают, а довольно короткими обстрелами, но зато часто и успешно, без потерь со своей стороны.

Наиболее эффективны действия на мобильных огневых средствах. На автомобили типа «УАЗ», «ДЖИП» устанавливаются миномёты, ЗУ, КПВТ, ДШК, АГС, секции реактивных установок. Ночью передвигаются с использованием на автомобилях «шведских очков», «кваркеров», не включая фар. Огонь ведётся с временных огневых позиций (5—6 выстрелов), затем местоположение быстро меняется. Дозорные при ведении разведки используют лошадей, что

значительно увеличивает их маневренность. Разведчики при выполнении задач часто маскируются под беженцев или пастухов, действуя по 1—2 человека. В ходе устройства засад практикуют тщательную маскировку, пропускают противника через себя, после чего открывают огонь с тыла и флангов.

В ходе обороны участка применяются следующие способы.

Непосредственно перед началом артподготовки боевики делают стремительный бросок вперёд в безопасную зону и скрываются на местности. После перехода мотострелков в атаку, расстреливают их в упор с расстояния 100—150 метров. Были случаи, когда боевики успевали подойти на расстояние броска гранаты. На пути выдвижения наших войск обозначают наличие опорных пунктов, где на позиции находится 2—3 человека. Постепенно отходя, выманивают подразделения федеральных сил в выгодном для себя направлении, после чего совершают нападение во фланг. В первые минуты боя снайперами выбивают командный состав и наиболее активных солдат и сержантов, пытаются посеять панику. Спокойно и дерзко используют беспечность наших военнослужащих, пользуясь тем, что в наших расположениях всегда «проходной двор». За мелкое вознаграждение (сигареты, пиво) можно узнать всё, что захочешь.

Подготовка боевиков незаконных вооруженных отрядов Чечни

1. Тактика «блох и собак» или стратегия моджахедов.

Тактика «блох и собак» переводится, как блоха кусает собаку и сразу передвигается в другое место. Суть же заключается в том, что моджахед нападает на противника (кафира) и сразу передвигается на другое место, иначе погибает. Боевик постоянно в движении. Постепенно моджахедов становится больше, они продолжают чаще нападать и сразу отходят. Вследствие этого отпор кафиров начинает слабеть, управление и контроль снижается сначала в отдельных местах, а затем и в районах. С каждым нападением моджахедов у противника увеличиваются потери и утрачивается боевой дух. Моджахеды нападают сначала группами, а затем частями и соединениями. Они действуют организованно и продуманно. Получив трофеи и пополнение, а также добыв у пленных информацию о своих войсках, начинают планировать и проводить крупномасштабные операции. Пленных пытаются завербовать, а согласившихся обменивают и они начинают давать необходимую информацию. По замыслу полевых командиров кафиры входят в зависимое положение от моджахедов, ослабевают морально, материально и физически, а моджахеды, наоборот, крепнут, становятся более организованными, опытными и материально обеспеченными. После этого разрабатывается план нанесения последнего удара по руководящему центру кафиров. В итоге противник должен быть блокирован, либо уничтожен.

2. Передвижения.

В связи со спецификой ведения боевых действий БФ (бандформирований – авт.), особое внимание уделяется индивидуальной подготовке. Выбор вида передвижения зависит от характеристики действий ФС (федеральных сил – авт.), погодных условий и рельефа местности. Оптимальная численность передвигающейся группы моджахедов – от 8 до 11 человек.

Виды передвижения:

Передвижение колонной – движение друг за другом на расстоянии от 5 до 10 метров. В голове колонны выдвигается амир, а его заместитель в хвосте колонны. Как недостаток такого передвижения: большая растянутость колонны, слабое управление, она уязвима при нападении во фронт, но сильна при нападении с флангов;

Передвижение в две колонны – осуществляется в узком месте или там, где с одной стороны горы. Амир возглавляет первую колонну, а заместитель вторую. При нападении спереди и сзади колонны сильны, с фланга слабы. Передвижение в шеренгу используется при нападении на федеральные силы или на местности, где предположительно есть противник. Амир находится в центре, заместитель на одном из флангов.

Преодоление опасных мест:

Открытая местность – группа отводится амирор в безопасное место, замаскировывается, высылаются органы разведки, намечаются пути отхода, а затем группы могут пройти по одному пути или через несколько проходов;

Переход через дороги в опасных местах – группа отводится в безопасное место, высылаются органы разведки, определяется безопасный проход, а затем осуществляется переход;

Проход через села (с мирным населением) – по мере возможности в село не заходить, при обходе учитывается направление ветра;

Минное поле – заранее органами разведки обнаружить и обойти;

Водная преграда – найти брод, желательно с естественной маскировкой (камышы, кусты, водоросли и т. д.)

4. Маскировка

Требования, предъявляемые руководством бандформирований к проведению мероприятий по маскировке: изучить район расположения, своё местонахождение, грунт почвы, естественные укрытия и препятствия, наличие и состояние возможных путей отхода и свободного маневрирования, места возможного минирования, а также наличие источников воды; место для окопа выбирать так, чтобы было легче копать; грунт замаскировать на месте или вынести в другое место и там замаскировать; после того, как окоп готов, встать там, где должен быть враг и посмотреть, нет ли недостатков; нельзя входить в крайности и маскироваться слишком сильно или слишком слабо: должны просматриваться позиции врага; запрещается оставлять возле окопа или местонахождения сверкающие и светоотражающие вещи, разжигать костры, снимать одежду, оставлять заметные следы и любые демаскирующие предметы (разноцветная одежда, бутылки, консервы и т. д.); изменить силуэт человека: участки тела маскировать грязью или углем, можно использовать тень; маскировка автомашины: облить машину машинным маслом и засыпать её почвой (песком и т. д.).

Основы боевого применения незаконных вооруженных отрядов

1. Организация разведки

Особое место в тактике действий бандформирований занимает разведка.

Для её ведения используется, преимущественно, местное население (в основном женщины, старики, дети), представители которого практически беспрепятственно подходят к колоннам, позициям и районам сосредоточения войск, вступают в разговоры с военнослужащими, подсчитывают примерную численность войск, техники и вооружения, а затем передают добытые сведения боевикам. Разведку ведут и специальные разведывательно-диверсионные группы, а также группы разведчиков со средствами связи, действующие на легковом автотранспорте. Особое внимание разведка боевиков уделяет определению месторасположению командных пунктов войск. Группа разведки, которая обеспечивает вторжение, может быть в количестве одного или нескольких человек. Одним из основных требований к группе является тщательность разведки. Тщательно изучают дороги, места расположения военных объектов, заминированные участки. Выясняются расположение федеральных сил (сконцентрированы в одном месте, рассредоточены по территории группами), в каком состоянии находится враг (нападение, оборона, ожидание переезда и т. д.), маршруты выдвижения в расположение противника.

Условия, которые необходимо соблюдать в ходе ведения разведки: предварительная подготовка путей вторжения и отхода; отдать приказы каждой группе, объяснить её боевую задачу; иметь запасные программы (план); не допускать утечки информации; определить место отдыха; указать маршруты и вид транспорта, на котором предстоит выдвигаться; скрытность; неожиданность; терпение; запрещается разговаривать; необходимо обнаружить наиболее слабые места в обороне врага; физическая подготовка; свободно владеть искусством бесшумного боя; всех встречающихся на пути людей забирать с собой.

Информация, которую необходимо получить в ходе ведения разведки: где находятся здания, оборонительные сооружения, пушки, пулемёты и т. д.; количество пехоты врага; вооружение, задача и цель федеральных сил; минные поля и проволочные заграждения; время и место разводов и сборов; время и место питания; время и место отбоя; время и место работы генератора энергии; место источника света; места и количество постов, время их смены; место и время работы администрации; наличие складов (оружие, боеприпасов, продуктов и запчастей).

2. Проведение засад

Широко используются традиционные для тактики бандформирований засадные действия, нападения на блокпосты, подразделения на марше, объекты обеспечения и коммуникации. Засады устраиваются в ущельях, сужениях дорог. В зависимости от целей нападения, засады в ряде случаев действуют избирательно, пропуская разведку, охранение и совершают внезапное огневое нападение на основные силы наших войск, главным образом на пункты управления на марше, тыловые подразделения. При этом бандиты в ходе боев в Горном Дагестане перешли, в основном, к ночным действиям и действиям в условиях ограниченной видимости, особенно активно – в ненастную погоду. Новым элементом тактики действий боевиков является организация огневых засад на господствующих высотах с целью поражения вертолётов федеральных войск на взлетно-посадочных площадках.

Обращает на себя внимание тактика действий банд формирований группами, включающими в себя снайпера, гранатомётчика и автоматчика. Расположившись рассредоточено, группа огнём автоматчика намеренно вызывает ответную реакцию войск. Снайпер при этом располагается на удалении 400—600 м от предполагаемых целей. Объектами уничтожения для мелких групп и боевиков одиночек являются одиночные транспортные средства и военнослужащие российских войск (в первую очередь офицеры). Как и снайперы, последние стремятся действовать наверняка и в первую очередь поражали военнослужащих без бронезилов. По своей сути, тактика действий боевиков при проведении засадных действий состоит в коротком огневом налёте из засады и отходе в безопасное место (ударил – убежал). С началом наших операций по зачистке населённых пунктов боевики широко применяют минирование зданий, отдельных предметов, образцов вооружения техники и даже трупов. Имеют место действия боевиков, особенно наемников, «вахтовым методом», т. е. когда они до трёх суток ведут боевые действия, а затем уходят для отдыха на базу в безопасный район.

3. Организация нападения на пост.

По мнению полевых командиров, существует два способа нападения на пост. Первый способ – группа делится на три части. Гранатомётчик и пулемётчик занимают постоянную позицию в 50 метрах от поста, автоматчики скрытно подходят как можно ближе к посту. Бой начинается гранатомётчик, а затем пулемётчик и гранатомётчик ведут непрерывный прицельный огонь по посту. В это время начинают продвижение к посту. В начале две фланговые группы занимают позиции в ближайших укрытиях и открывают огонь, а центральная группа перебежками выдвигается вперёд них на 15—20 м, залегает и открывает огонь. В дальнейшем фланговые группы устремляются вперёд и так пока они не достигнут поста. Второй способ нападения такой же, как и первый, но при этом способе нападения автоматчики передвигаются в наступление через одного (один передвигается – другой прикрывает). При этом надо помнить, что нападать на пост, который рядом с твоим селом нельзя. Необходимо выйти из села с другой стороны, обойти населённый пункт, а затем осуществлять нападение на пост.

Заключение

В целом анализ современной тактики действий бандформирований позволяет сделать следующие выводы: в Северо-Кавказком регионе федеральным войскам противостоит хорошо подготовленный в оперативно-тактическом плане, оснащенный новейшими образцами стрелкового вооружения, жестокий и бескомпромиссный противник, использующий для достиже-

ния своих экстремистских целей комплекс диверсионно-террористических методов и элементов тактике общевойскового боя. Неотъемлемым компонентом тактики бандформирований по-прежнему остаётся терроризм, включающий применение взрывных устройств, убийства, похищение людей, нанесение телесных повреждений, пытки, шантаж и угрозы.

Современная тактика действий бандформирований

Опыт пресечения бандитской деятельности исламских экстремистов в республике Дагестан свидетельствуют о том, что тактика действий бандформирований претерпела существенные изменения. В настоящее время, наравне с традиционными формами повстанческой деятельности она включает в себя также широкомасштабные наступательные и оборонительные действия по захвату и удержанию стратегически важных объектов, характеризуется широким спектром бандитских проявлений: от террористических акций, до открытых вооружённых выступлений мелкими (15—20 чел.) и крупными (до 500 и более чел.) группами. Вместе с тем, по-прежнему основополагающими принципами тактики действий является внезапность, решительность, дерзость и кратковременность налетов.

Важным фактором, определяющим специфику действий бандформирований, является проведение систематических «беспокоящих» действий, которые вынуждают войска прибегать к оборонительной тактике, заставляя их лишь реагировать на операции бандформирований, как это было на протяжении почти двух месяцев в приграничных с Чечней районах Дагестана. «Беспокоящие» действия истощают правительственные ресурсы и нарушают коммуникации. Более того, они создают впечатление о способности боевиков наносить удары в любом месте, подчас совсем неожиданном. «Беспокоящие» и «изматывающие» операции составляют основу тактики бандформирований, стремящихся, как правило, уклониться от прямого столкновения с крупными силами федеральных войск. В основе их действий в данном случае лежит упреждение в открытии огня, который ведётся метко и преимущественно с коротких дистанций. После боестолкновения бандиты, как правило, уносят трупы своих сообщников, забывая их оружие и документы. В то же время со времени Чеченской кампании стало традиционным совершение надругательства над телами убитых военнослужащих РА. Вместе с тем, как показал опыт Чеченской кампании и особенно события в Дагестане, бандформирования в отдельных случаях при достижении тактического преимущества делают попытки захвата и длительного удержания важного в тактическом плане или в плане жизнеобеспечения объекта. Это свидетельствует о новом этапе развития тактики вооружённого противоборства сепаратистов с федеральными войсками и ставке руководителей бандформирований на длительное и ожесточенное сопротивление.

...При организации наступления особое внимание уделяется достижению внезапности, выбору места и направления атаки. Большое внимание уделяется максимальному использованию рельефа местности. Так, вхождение бандформирований из Чечни в Дагестан осуществлялось по относительно пологому подъему, в то время как федеральным войскам приходилось отбивать у боевиков труднодоступные участки местности в горах.

В ходе вооружённого противодействия федеральным войскам бандформированиями велись также и активные оборонительные действия, которые имели целью удержание баз и базовых районов в горном Дагестане. Особое внимание при этом было уделено обороне горных перевалов господствующих высот, проходов, узлов дорог (троп), населенных пунктов.

Характерной особенностью действий бандформирований является то, что подготовка к ведению оборонительных действий в Дагестане (особенно в Кадарской зоне) началась заблаговременно. Основные усилия боевиков при этом были сосредоточены на оборудовании опорных пунктов и узлов сопротивления, на подступах к которым выставлялись засады и охранение, наблюдательные посты располагались преимущественно на господствующих высотах. Опорные пункты оборудовались в инженерном отношении и готовились к длительной обороне. Активно проводилось минирование дорог, участков местности, подходов к населенным пунк-

там. Заблаговременно создавались сеть пунктов управления, базы (склады) хранения вооружения, боеприпасов, медикаментов и продовольствия. Непосредственно на позициях находилось небольшое количество боевиков, осуществляющих непосредственную охрану населенных пунктов и ведущих разведку. С началом атаки подразделений РА, используя скрытые подступы и ходы сообщений, на огневые позиции выдвигались основные силы боевиков, до этого находившиеся в укрытиях (пещерах, подвалах и т. д.). В ходе наступления превосходящих сил боевики после кратковременного обстрела подразделений федеральных войск отходили, как правило, мелкими группами к новому рубежу, используя проходы, лощины и всевозможные тропы. Отход осуществляется под прикрытием огня с заранее подготовленных позиций и засад, а также минно-взрывных заграждений. Прекрасно ориентируясь на местности, группы боевиков умело использовали этот вид маневра. После выхода из под ударов федеральных войск бандформирования стремились занять новые выгодные позиции. Иногда, по возможности, они заходили в тыл наступающим войскам, что позволяло наносить поражение им в спину. В этом плане достаточно эффективно боевиками применялась тактика «просачивания» с последующим объединением небольших групп в районе объекта нападения. Этот тактический приём активно использовался боевиками и при преследовании их федеральными войсками, в процессе которого бандгруппы, если им не удавалось оторваться от наших войск, занимали круговую оборону и вели упорный бой до наступления темноты. Затем, используя хорошее знание местности, они мелкими группами просачивались через боевые порядки окруживших их подразделений. Во время операций федеральных войск по зачистке населённых пунктов бандиты, не входя в непосредственный контакт с нашими подразделениями, обстреливали их и быстро отходили в безопасные районы. Если войска не закреплялись на достигнутых рубежах, с наступлением темного времени суток боевики возвращались в старые районы и вновь переходили к активным действиям. Так было, например, в Кадарской зоне.

Убедившись после нанесения огневых ударов российской авиации и артиллерии по опорным пунктам и узлам сопротивления в тщетности попыток навязать группировке Федеральных сил позиционные бои, бандформирования меняли тактику действий, осуществляя отход с окраин в глубь населённых пунктов на заранее подготовленные в инженерном отношении позиции. Широко использовались засадные действия, нападения на блокпосты, подразделения на марше, объекты обеспечения и коммуникации. Засады устраивались в ущельях, сужениях дорог. В зависимости от целей нападения засады в ряде случаев действовали избирательно: пропускали разведку и охранение и совершали внезапное огневое нападение на основные силы наших войск, главным образом, на пункты управления на марше, тыловые подразделения. При этом бандиты в ходе боев в горном Дагестане перешли в основном к ночным действиям и действиям в условиях ограниченной видимости, особенно активно – в нелётную погоду. Новым элементом тактики действий боевиков является организация огневых засад на господствующих высотах с целью поражения вертолётов Федеральных войск на взлетно-посадочных площадках. Обращает на себя внимание тактика действий бандформирований группами, включавшими в себя снайпера, гранатомётчика и автоматчика. Расположившись рассредоточено, группа огнём автоматчика намеренно вызывала огневую реакцию войск. Снайпер, выявив огневые точки, поражал их, а при выдвижении техники её уничтожал гранатомётчик. Снайпер при этом располагался на расстоянии 400—600 метров от предполагаемых целей.

...По своей сути, тактика действий боевиков при проведении засадных действий состояла в коротком огневом налете из засады и отходе в безопасное место («ударил-убежал»). С началом наших операций по зачистке населенных пунктов боевики широко применяли минирование зданий, отдельных предметов, образцов вооружения и даже трупов. Имели место действия боевиков, особенно наёмников, «вахтовым методом», когда они 1—3 суток вели боевые действия, а затем уходили для отдыха на базу в безопасный район (из Тандо в район Голубого озера на Ботлихском направлении).

Понимая бесперспективность длительного организованного сопротивления действиям российских войск, руководство бандформирований стало вести активную работу по подготовке баз боевиков в южных горно-лесистых районах Чеченской республики, налаживать централизованную сеть управления ими. С этой целью создавались перевалочные базы и готовились маршруты движения для переброски на территорию Чечни наемников с территории Грузии и Азербайджана. Особое место в тактике бандформирований занимает разведка. Для её ведения использовалось преимущественно местное население (в основном женщины, старики, дети), представители которого практически беспрепятственно проходили к колоннам, позициям и районам сосредоточения войск, вступали в разговоры с военнослужащими, подсчитывали примерную численность войск, техники, вооружения, а затем передавали добытые сведения боевикам. Разведку вели и специальные разведывательно-диверсионные группы, а также группы разведчиков со средствами связи, действующие на легковом автотранспорте. Особое внимание разведка боевиков уделяла определению мест расположения командных пунктов войск. Заслуживает внимания и организация системы связи бандформирований, которая строилась на основе стационарных и подвижных средств радиосвязи. Для этого использовались в основном переносные радиостанции старого парка Р-105М (Р-109), широко применялась также сеть любительских радиостанций, кроме того, в наличии у боевиков имелось некоторое количество радиостанций иностранного производства («Моторолла» и др.).

Командованием группировки федеральных войск был учтён опыт чеченской компании, в ходе которой имели факты вхождения боевиков в связь на частотах наших соединений и частей, попытки передачи ими ложных сообщений и команд, в частности, на нанесение ударов по определенным объектам (районам), где находились войска. В Дагестане подобные попытки пересекались средствами радиоэлектронного подавления.

На вооружении бандформирований в Дагестане имелись и средства ПВО (ЗУ-23, ЗПУ, ПЗРК), в том числе иностранного производства, которые были распределены по отрядам и группам боевиков. Для борьбы в первую очередь с вертолётами использовалось стрелковое оружие, и даже противотанковые гранатомёты. В целях повышения живучести огневых средств боевики располагали их в населённых пунктах, вблизи жилых домов, во дворах, сараях и хорошо маскировали.

Проникновение к объектам групп и формирований боевиков осуществлялось, как правило, в условиях ограниченной видимости или в ночное время, часто под видом местных жителей, беженцев, работников милиции. Объекты для нападения выбирались как в тактической, так и в оперативной глубине в соответствии со стратегией боевиков «переноса войны на территорию России», что подтвердилось террористическими актами в Буйнакске, Волгодонске, Москве и других населённых пунктах.

Боевики умело маскируют свои террористические действия. Свою негативную роль в этом плане сыграл синдром «привыкания к постоянной опасности». Анализ тактики бандформирований не может быть объективным без учета их качественных характеристик, определяющих сильные и слабые стороны. Особое внимание целесообразно обратить на сильные стороны бандформирований, к которым следует отнести организацию разведки. Она обеспечивает бандформированиям поступление непрерывной информации о дислокации и перемещениях федеральных войск, их численности, составе, боеспособности и уязвимых местах. Как правило, бандиты имеют широко развернутую сеть агентов среди местного населения.

Местные условия. Бандиты часто смешиваются с местным населением, что увеличивает их возможность действовать внезапно. Для определения их среди местного населения эффективным является введение режимно-пропускного контроля за перемещением населения. Осведомленность. Знание боевиками бандформирований местных особенностей дает им возможность осуществлять эффективное психологическое давление на местное население. Эту сильную сторону следует нейтрализовать налаживанием хороших взаимоотношений между

органами управления федеральными войсками (силами) с органами власти на местах и населением. Существенным добавлением этому является организованное участие в проведении операций местных противобандитских отрядов ополчения.

Решительность, дисциплина и физическая подготовка боевиков. Полевые командиры, как правило, хорошо подготовлены, обучены, обладают высокой решительностью до конца отстаивать интересы своего дела, усиливаемой твёрдой, порой даже жестокой дисциплиной. В то же время не все рядовые боевики обладают этими качествами и гораздо легче поддаются панике, особенно в условиях неблагоприятно складывающейся для них обстановке.

Слабыми сторонами бандформирований являются: нехватка личного состава и ресурсов. Наиболее уязвимым для действий бандформирований является уничтожение их баз снабжения, блокирование маршрутов доставки подкреплений, оружия и продовольствия. Это на определённое время нейтрализует активную деятельность банды. Уязвимой стороной бандформирования является их зависимость от местного населения. Снижение или полное её отсутствие значительно снижает эффективность их действий. В связи с этим одной из главных задач является завоевание и удержание поддержки со стороны местного населения.

© Генштаб.Ру, Илья Кудряшов

«По щеке ножом поскребли – нет, негр!»

Владимир Паков:

– Качество противника по сравнению с первой кампанией хуже не стало. В первую кампанию по национальному составу – это были в основном чеченцы. Наёмников тогда было очень мало, попадалась украинцы, русские, латыши. Во второй кампании доля чеченцев в отрядах боевиков падала – появились афганцы, арабы, негры, китайцы. Удивились, когда первый раз взяли негра. Ребята подумали сначала, что это он у костра так закоптился, по щеке ножом поскребли – нет, негр!

*«Впереди, видит Бог
Самый праведный бой...»*

Группировка готова к броску

Александр Куклев, начальник разведки 3-й мотострелковой дивизии, подполковник:

– 27-го сентября силы группировки «Запад» сосредоточились вдоль северной границы Чечни на территории Ставропольского края.

Местность довольно интересная. Высота песчаных бурунов до 3—4 метров. Уже в районе сосредоточения отмечалась работа сил и средств разведки противника. В основном «духи» пока только наблюдали. Но отслеживали они каждый наш шаг.

Командующий Западной группировкой войск генерал-майор Шаманов собрал всех командиров частей, офицеров управления, объявил своё решение на формирование группировки, довёл свои требования к управлению войсками, выполнению поставленных задач с учётом опыта первой компании, ведения боевых действий в течение августа – сентября 1999 года. Штаб Западной группировки формировался из офицеров управления 58-й армии СКВО и 22-й армии МВО. Части 3-й мотострелковой дивизии, прибывшие в район выполнения задач, переходили в подчинение командующего группировкой. Командир дивизии генерал-майор Назаров оказался не у дел. Для всех было неожиданностью, что его Шаманов направляет в Моздок встречать и готовить прибывающее пополнение из числа контрактников. Генерал-майор Столяров здесь же был назначен комендантом Гудермеса.

Таким образом, власть в группировке была распределена рационально (для этой ситуации). Остальные офицеры 22-й армии МВО влились в коллектив 58-й армии. Для нас было непривычным состояние 58-й армии. Армия, по сути, воюет второй месяц, но некоторые части находятся в ППД (пункт постоянной дислокации – авт.), некоторые выполняют боевую задачу. Офицеры периодически убывали во Владикавказ, возвращались, делились мирными новостями. Мы для них поначалу были все «москвичами», необстрелянной массой, отношение было пренебрежительное. Как же, мы тут воюем, а они – «москвичи!». А мы не москвичи, мы волжане! Потом всё притёрлось, отношения наладились. Мы стали кое-что понимать в кавказской жизни.

Вот некоторые требования Шаманова, записанные в рабочий блокнот на том единственном в истории группировки совещании:

- карта сложена по размеру кармана брюк, носится в левом кармане, блокнот из половины тетради в клеточку носится в правом кармане;
- на выполнение боевых задач подразделения ориентировать заранее;
- требовать документ, подтверждающий боевой приказ;
- организовать и поддерживать жестокий пропускной режим;
- разведывательные подразделения использовать только на выполнение боевых задач, ни один разведчик никого не охраняет;
- все до одного офицера обязаны иметь карты;
- у каждого военнослужащего должны быть индивидуальный перевязочный пакет, 2 тубика промедола, резиновый жгут;
- в каждом подразделении готовить авианаводчика, в каждом батальоне иметь подготовленного артиллерийского корректировщика;
- информация доводится до лиц в части касающейся.

Необходимо заметить, что все эти требования изложены в боевых документах и уставах, но Шаманов жёстко потребовал их неукоснительного выполнения.

«Воевать учились на ходу...»

Александр Соловьёв, командир разведывательного десантного взвода, старший лейтенант:

– До нас общей информации о противнике не доводили. Воевать мы учились на ходу, информацию у пленных получали через жёсткие допросы, через кровь, грязь, потери. Это был жестокий, ненужный опыт. Всё это напомнило рассказы деда о Великой Отечественной, когда он ходил в штыковую атаку без патронов. Такая большая наша страна, так много лет прошло после той войны, и как мало изменилось с тех пор...

Как добывали информацию... Все друг друга боялись, потому что знали: где-то в штабе была утечка информации к противнику. Прихожу в пехоту – говорю с офицерами, с солдатами, чтобы узнать хоть что-нибудь о противнике. Пришёл к артиллеристам, спрашиваю: «Куда ты бьёшь? По какому району работаешь?». Много разговаривал с местными жителями. Женщина за кусок хлеба для детей – всё расскажет. На основе этих расспросов и делал свои аналитические выводы.

Глава 4. Глаза и уши

Из журнала боевых действий:

«С 22 сентября 1999 г. личный состав батальона приступил к выполнению боевых задач по разведке местности и маршрутов выдвижения».

За канавой – Чечня

Александр Куклев, начальник разведки дивизии, подполковник:

– Административная граница Ставрополя с Чечнёй была оборудована следующим образом. Наши прорыли глубокую широкую канаву вдоль всей северной границы. Характер грунта позволял это сделать. Вдоль границы стояли блокпосты внутренних войск.

Чеченские пастухи, что на территории Ставрополя, тем более на чеченской территории были глазами и ушами бандформирований.

Владимир Самокруткин, командир батальона, подполковник:

– Первый выход к границе с Чечней... Ходили на рекогносцировку с командирами рот и взводов. Посмотрели на местности маршруты движения. У Терека стоял блокпост, оттуда и вели наблюдение, и от наблюдающих с блокпоста взяли информацию, что они видели на той стороне реки.

Яков Чеботарёв, командир разведывательного взвода наблюдения:

– У границы с Чечней почти пять суток стояли лагерем. К нам во взвод приходили специалисты из полков – учили нас, как работать с приборами ночного видения, как ориентироваться по карте. Закопали машины в землю, распределил бойцов по линии, и они следили за впереди лежащей местностью. С горы всё просматривалось на расстояние до 10 километров. Вели журнал наблюдения. Приезжаешь в батальон – составляешь докладную записку командиру: было такое-то движение, столько-то человек засекли, столько-то и таких-то машин проехало.

Во взводе было 20 человек. Заместителем у меня был Михаил Игольский. На каждой БРМ по шесть человек. Второй машиной командовал младший сержант Григорьев, 64-й – Силёв, контрактник.

«А где у тебя кто?»

Александр Ступишин, старшина 1-й разведывательной роты, старший прапорщик:

– Поскольку командира 3-го взвода в роте не было, комбат мне сказал: «Давай пока ты, рули, старшина». Я всё ребятам и рассказывал, как нужно действовать в боевой обстановке. Комбат прикажет: «Встать здесь, обеспечить безопасность продвижения колонны». «Бэха» (БМП – авт.) встала, где нам приказали – солдаты побежали в неё. Я говорю: «Нет, ребята... Пулемёт – сюда, «коробочку» прячем в лесок, дымы выкладываем». Надо быть готовыми, чтобы уехать, если на нас будет нападение. Они послушали: «Ага...». Начали понимать. «Всем замаскироваться!», – даю команду. Комбат назад поехал – расположения взвода не нашёл: «А где у тебя кто?» – спрашивает меня. – «Все на месте», отвечаю.

Из журнала боевых действий:

«26 сентября батальон в составе колонны 3-й мсд совершил перемещение в новый временный пункт дислокации, где вёл разведку в направлении Бено-Юрт, станция Наурская».

Хроника событий:

01.10.99 г. в оперативном штабе при президенте Чечни утверждают, что 30.09.99 г. подразделения российских ВС пересекли границу в Наурском и Шелковском районах и углубились более чем на 10 км на территорию Чечни.

«Боевики шастают по тылам...»

Александр Куклев:

– Ход боевых действий на Северном Кавказе можно разделить на три этапа. Первый этап – действия по уничтожению и вытеснению НВФ (незаконные военные формирования – авт.) с территории Дагестана. Второй этап – действия по уничтожению НВФ на территории северной и центральной части Чечни. Кратко рассмотрим второй этап – действия по уничтожению НВФ на территории северной и центральной части Чечни.

С 15 сентября осуществляется перегруппировка войск и создание северной (оперативная группа 67-й армии), западной (оперативная группа 58-й армии) и восточной группировок общей численностью 50—60 тыс. человек.

С 21 сентября началась специальная операция по освобождению северной части Чечни, включающей три района (Шелковской, Наурский, Надтеречный) силами северной группировки с двух направлений (Наурское, Шелковское).

С 23 сентября начала активные действия западная группировка с Надтеречного направления.

Наиболее сильные столкновения с противником были за Рубежное, Червлённое, Ищерскую.

Второго октября КП группировки сосредоточился в районе озера Капустино.

Здесь части группировки получили боевые задачи на овладение северными надтеречными районами Чечни. В течение пяти суток задача была выполнена. Здесь противник стал проявлять некоторую активность. Но к открытому сопротивлению не переходил.

Запись в моём блокноте: «Боевики шастают по тылам в форме российской армии, отмечено их перемещение на автомобиле ГАЗ – 66».

Помню, что во время переговоров с представителями «местной администрации» командир 15-го мотострелкового полка был ранен, его даже пришлось полковым разведчикам отбивать у «духов». Здесь же пошли первые потери. В этом полку попала в засаду разведгруппа и пропал без вести командир 8-й мотострелковой роты.

На характер боевых действий в Чечне большое влияние оказывали климатические условия, рельеф местности. В северной части территории (севернее Терека) простирается почти плоская равнина. Западнее Грозного имеются невысокие (350—460 м), с округлыми гребнями Терский и Сунженский хребты. Центральную часть занимает плодородная равнина, сильно пересечённая реками, каналами и канавами. Почти всю южную часть занимает Главный Кавказский хребет и его отроги. Перепады абсолютных высот от 1100 до 4291 метров.

Из журнала боевых действий:

«С 30 сентября по 4 октября батальон приступил к выполнению задач по ведению разведки по маршрутам выдвижения 245-го мсп в направлении г. Грозный».

Егор Кляндин, командир взвода специальной РДР, лейтенант:

– В начале октября после выхода батальона на территорию Чечни я получил распоряжение от командира батальона и с группой солдат был направлен на ЦБУ работать в его интересах. Разведывали маршруты и сопровождали выдвижение колонн частей по маршрутам 752-го мотострелкового полка, батальона РЭБ, танкового батальона.

...84-й отдельный разведывательный батальон с первого дня кампании действуя как передовой отряд оперативной группы войск «Запад», вошёл в Чечню с запада. Тщательно подогнав снаряжение, проверив связь, оружие и боеприпасы, разведгруппы одна за другой уходили

в свой первый боевой поиск. Уходили 19-летние, под командованием всего на три – четыре года старше себя лейтенантов, в ночную мглу, в чужие холмы, в неизвестность. Обычная для разведчиков задача: установить опорные пункты противника, его численность и вооружение.

«Активности „духи“ не проявляли...»

Александр Куклев, начальник разведки дивизии, подполковник:

– С выполнением первых задач 5 октября часть сил Западного направления совершила перегруппировку и к исходу 6 октября сосредоточилась 12 километров южнее станции Ищерская. 84-й орб выполнял задачи в интересах продвижения 245-го мотострелкового полка в направлении Грозного по Терскому хребту.

При подходе к станции Ищерской получили информацию, что нефтебаза занята боевиками, отошедшими с поста, расположенного на административной границе. Отправляюсь с группой туда, проверить. Подошли к нефтебазе, наблюдаем. Точно, ходят бородатые, с оружием, в камуфляже, но видим и женщин. Огневые средства «на товсь», взял дозорных, поползли ближе. Выяснили, что «контрабасы» 245-го полка общаются с обитателями нефтебазы. Две или три семьи, русские, работали на базе как специалисты. Нам очень обрадовались, пригласили в дом, угостили чаем. Поделились своими проблемами. В одной семье сын на тот момент учился в училище внутренних войск во Владикавказе. Один раз в году приезжал к родителям проведать их. Удивился, как ему это тогда удавалось? Эти русские нам сообщили, что чеченцы пригнали на станцию несколько цистерн с дизтопливом или нефтью. Возможен их подрыв в случае нашего наступления. Мы поблагодарили гостеприимных хозяев, отдали им свои сухие пайки. На том и расстались, за них уже душа не болела: люди под защитой.

Прибыли на станцию, везде следы недавнего пребывания боевиков. В инженерном отношении оборона подготовлена. Грамотно оборудованные окопы, огневые позиции. Видимо, покидали позиции в спешке, много бытовых вещей разбросано. Наблюдали пару групп на машинах, уходящих от станции. Активности в этом районе «духи» не проявляли. Здесь у нас было превосходство, да и население к нам относилось лояльнее.

«Снаряды летели с рёвом...»

Дмитрий Горелов, заместитель командира батальона по тылу, подполковник:

– Начались бои на станции Ищерской. Нам сообщили, что сейчас будем выдвигаться в ту сторону. Будем, значит, будем... Ночью часть батальона ушла в одну сторону, другая – в другую. Поехали, встали в лесополосе у Ищерской. Простояли часа три-четыре. Непонятно, где же основные силы батальона? Потом всё же выяснили, где кто. Команда поступила: с дороги съехать, ждать приказа.

В пути солдатам раздавали сухие пайки. А обычно – приготовили пищу, разнесли в термосах, потому что стояли рядом. Одна рота стоит, через триста метров – вторая, и где-нибудь в овражке штаб батальона, и рядом обязательно ПХД (пункт хозяйственного довольствия – авт.). Часа в два ночи где-то постреливают, у станции Ищерской. И вдруг – залп реактивных установок «Град». Был такой вой, снаряды летели с рёвом, непонятно откуда. Страшно было. Такой грохот! Хорошо, что мы стояли впереди. Только тут поняли, что дело-то серьёзное начинается.

«Стрельба – как колыбельная...»

Валерий Олиенко, командир отделения управления 2-й разведывательной роты, старшина:

– Сначала от стрельбы было ну никак не уснуть – то «Грады», то САУшки, всю ночь пальба стоит. Через день-два стрельба – как колыбельная. Не стреляют – как будто чего-то не хватает: «А что это у нас соседи-то не стреляют?». Открыли огонь – вот теперь нормально, вот теперь всё в порядке.

*«А враги уже рядом,
А враги уже здесь...»*

Первая информация о противнике

Александр Куклев, начальник разведки дивизии, подполковник:

– На это время у нас уже имелась информация о противнике в районе предстоящих боевых действий. Кратко информация, достоверность которой предстояло проверить:

– н. п. Комарово – в здании школы до 60 человек, одна ЗУ (зенитная установка – авт.) на базе ГАЗ-66;

– н. п. Горагорское – до 5 единиц зенитных установок в районе кладбища, имеется ПЗРК (переносной зенитно-ракетный комплекс – авт.);

– н. п. Ищерская – 2 единицы ЗУ-23-2;

– н. п. Братское – до 100 боевиков, вооружённых стрелковым оружием;

– н. п. Наурская – около 500 человек, Басаев находится там;

– совхоз «Терский» – около 1200 человек, 5—7 танков;

– н. п. Чернокозово – наёмники из Турции, Иордании, Саудовской Аравии, около 2-х танков, одна установка РСЗО (реактивная система залпового огня – авт.) БМ-21, зенитные средства;

– н. п. Червлёная – около 40 грузовых автомобилей с боеприпасами, до 300 человек;

Первые выстрелы и первые разрывы мин и снарядов...

Иван Кузнецов, командир взвода, старший прапорщик:

– В самом начале кампании – жаркий день, солдаты жарили картошку, ходят по пояс раздетыми, и слышу – свист. Ба-бах! Через несколько секунд – ещё взрыв. А били из миномёта, с 3—4 километров. Подполковник Куклев приказал собрать осколки на экспертизу: не хотелось ещё верить, что стреляли боевики.

Александр Куклев:

– Позже выяснилось, что боевики использовали трофейное орудие. Стреляли только, когда открывали огонь наши артиллеристы, чтобы нам не слышать выстрелов боевиков. Естественно, достигался необходимый психологический эффект, т. е. мы начинали бояться своей артиллерии.

Из журнала боевых действий:

«8 октября проводилась разведка маршрутов выдвижения 245-го мсп. При выполнении поставленной задачи разведывательный отряд попал в засаду. После подхода бронегруппы в ходе боя группа НВФ была частично уничтожена и рассеяна. Наши потери: ранен 1 солдат».

Свидетельствуют документы

Из наградного листа:

...Для ведения разведки маршрутов разведотрядом в состав разведдозора был назначен рядовой Быканов Игорь Михайлович. При подходе к высоте 665,8 дозорное отделение обнаружило засаду противника. Противник открыл огонь из стрелкового оружия и миномётов. Рядовой Быканов, заняв выгодную позицию для ведения огня из пулемёта, прицельным огнём подавил огневые точки противника, тем самым обеспечив отход разведывательного отделения. При ведении боя рядовой Быканов был ранен в кисть руки, бедро и плечо, но поля боя не оставил и вёл огонь по противнику до подхода основных сил.

Это была первая потеря в батальоне. И первая награда: рядовой Игорь Быканов за этот бой был награждён медалью «За отвагу». За эвакуацию в тяжёлых дорожных условиях раненого рядового Игоря Быканова младший сержант Дмитрий Гафаров, водитель-санитар взвода материального обеспечения был представлен к медали «За отвагу», а старший сержант Александр Тоцкий – к медали Суворова.

«Всё, Быканов, ты лежишь...»

Елена Чиж, начальник медслужбы батальона, капитан:

– Вся медслужба батальона – срочник-санитар, водитель и я. В ротах санинструкторов не было: не положено. Поехали в Чечню – все медикаменты сняли с НЗ, выгребли всё. Бинты получили в Моздоке, их не хватало, они были на вес золота.

Первый раненый хорошо запомнился тем, что он был первым. Принесли его бегом на носилках. Стала осматривать, сразу толпа вокруг, как цирк, и начинают ещё подсказывать мне! Он был в сознании, стонал, конечно. Помню, что ноги были сильно посечены. Обработала раны, обезболила, положила в кунг, ждём транспорта, чтобы его увезли. Говорю ему: «Всё, Быканов, ты лежишь». Прошло немного времени, вижу – он спускается из машины, весь в бинтах. – «Куда, Быканов!» – «В туалет хочу...» – «Куда ты пойдёшь? Давай здесь, у машины». Идёт, шатается.

Тогда сопровождающих раненого Быканова в госпиталь представили к наградам, потому что эта их поездка в тыл могла закончиться очень плохо: по незнакомой местности, был риск попасть под обстрел боевиков или своих.

Салех Агаев, заместитель командира батальона по воспитательной работе, майор:

– Первый раненый – помню, как мы все собрались вокруг него... Тогда как-то всё внутри перевернулось: поняли, что действительно война. Помню, какими серьёзными стали лица солдат...

«Я благодарен моим солдатам...»

Александр Хамитов, командир 2-й разведывательной роты, старший лейтенант, Герой России:

– Первый раненый Игорь Быканов был хорошим парнем. Ещё раз убедился в том боестолкновении, что бойцы подготовлены, иначе были бы и трупы, и засаду «духовскую» не вскрыли бы. А Игорю до дембеля оставался месяц – в ноябре. Таких, как он, было половина роты. И все дембеля домой уехали вовремя, живыми и здоровыми. Я благодарен моим солдатам, они верили в меня, а я полностью доверял им.

Первые полтора месяца работали очень напряженно, было много дорог. Прошли весь Терский хребет, почти до Грозного.

Салех Агаев:

– Надо отдать должное нашему солдату: он никогда не будет жаловаться на условия проживания, что не вовремя покушал. Меня всегда восхищали в наших солдатах неприхотливость, умение преодолевать трудности. Лучше нашего солдата – нет. Не ради денег воевали, а приказали – и пошли.

В журнале боевых действий батальона – ежедневные скупые записи. «Поставленная боевая задача выполнена. Потерь личного состава и техники нет» – эти строчки в боевых документах характерны для первых недель кампании.

Противник, не рискуя вступать в бои с лавиной российских войск, отходил, почти не оказывая сопротивления, лишь изредка выставляя засады. Надо отдать должное: воевали чеченцы и наёмники грамотно и осторожно. Впереди российских мотострелков шли разведгруппы. Если разведчики устанавливали расположение противника, немедленно по рации условными сигналами вызывали огонь артиллерии. Беспощадные залпы «Градов» и самоходных артиллерийских установок сметали опорные пункты, а затем вперёд вновь шли разведчики. Шли, рискуя каждую секунду подорваться на mine, получить в лоб пулю снайпера. Радисты тревожно слушали эфир. Если связь вдруг прерывалась, в батальоне старались не думать о плохом.

В каждом поиске разведчики могли попасть в засаду. Удача во многом зависела от мастерства командиров, осторожности каждого бойца. Надо уметь увидеть след в траве, тонкую проволоку от гранаты на растяжке, услышать дальний стук лопат. Каждый звук имел значение.

«Как я столько таскал...»

Александр Соловьёв, командир разведывательного десантного взвода, старший лейтенант:

– Моя экипировка составляла: бинокль, ночной прицел, подствольник, ночные очки («Квакер»), автомат АКМ с ПБС (с глушителем). Обычно две «Мухи» брал, 20 ручных, 20 подствольных гранат, 12 заряженных магазинов, спарка по 45 патронов, пулемётные магазины, подствольник, пистолет «Стечкина» с глушителем. Плюс «нож разведчика стреляющий» со своим БК (боекомплект – авт.). Всего – 25—30 кг.

Мужики, кто на выходы не ходил, удивлялись, как я столько таскал. Из продуктов – пачку печенья и банку консервов. Есть патроны – есть жратва. Нет патронов – нет ничего. И все так, вся группа. Бойцы кровью ссали от тяжести. Но я дотаскался: под Новый год кишка между мышцами вылезла, грыжа, шишка с кулак. Я её пальцем обратно в брюхо затолкал. Долго ходить не мог, дышал как мышка, часа четыре не мог встать. Потом мне медики сказали, что правильно сделал. Отвалился.

У меня пулемётчик тысячу патронов к пулемёту таскал. Пулемёт 12 кг весит и тысяча патронов в ленте. Сплошная лента заряженная. Я специально подбирал «мастодонта» в группу, чтобы носил патроны. Он нёс пятьсот патронов, а помощник – рюкзак, полностью набитый лентой. Да ещё положено было таскать запасной сменный ствол. Нас ещё заставляли бронежилеты носить. Нагрузил всё это на себя и – пошёл! С таким грузом упадёшь – никогда не встанешь, а если бросишь свой груз – тебя голыми руками возьмут. Это в кино – упал, перекатился, тут – только слегка припал на колено. Перебежал – снова припал на колено. А в бою – огонь ведёшь только на коленочках. Я приходил с каждого задания – на правом колене кровавый синяк. Стреляли в основном с колен, а то и с бедра. За всю войну я стрелял прицельно всего один раз. А что целиться – поднял ствол и в упор его, «милого». Некогда прицеливаться. Да и целиться ночью – куда? А целился, когда прикрывал отход группы Андрюхи Середина. Стрелял тогда короткими очередями, и все попал.

«Был уверен, что не бросят...»

Евгений Липатов:

– Что на мне висело: разгрузка, снаряженных 15 магазинов патронов, 8 гранат, были ещё россыпью патроны в карманах. В вещмешке – ещё штук 20 заряженных магазинов по 30 патронов. Ну, «Мухи» старались с собой брать, по одному «Шмелю». А если с «бэхой» (БМП, боевая машина пехоты – авт.) идём – берём ещё и цинки патронов. После Нового года я с автоматом ходил, тогда у меня было 15 магазинов, гранаты, глушитель, две «Мухи» или «Шмель», жрачки чуть-чуть, ОЗК (общевойсковой защитный комплект – авт.), малую пехотную лопату – кто брал, кто нет. Сигнальная ракетница. Нож разведчика стреляющий – НРС, подствольник и гранаты. На себе килограммов 40 несли. Бегать с таким грузом – нереально. Бронежилеты выдали, но их не носили, они валялись в палатке.

Как часто ходили в поиск... Сегодня, например, первый взвод идёт, завтра из второго взвода группа. Три взвода – три группы. Куда идём и задачу – командир говорил кратко, в общих чертах. Не знаешь, на сколько идёшь, на трое суток, а то и на пять бывало. Как шли: двое впереди – разведдозор, основная группа – четверо. Двое сзади, один из них пулемётчик. Уходили, если в засаду, ночью. Разведдозор – как получится, по времени суток. У нас всегда всё готово было, спали одетые. Только амуницию одеть и сразу на броню, пять минут на сборы... Перед уходом на задание строились у офицерской палатки. Майор Агаев нас всегда провожал и встречал сладким. Костяк в группе был хороший, я был уверен, что если что случится, меня прикроют огнём, не бросят и отобьют...

Салех Агаев, заместитель командира батальона по воспитательной работе, майор:

– Каждое утро в батальоне было построение, за исключением, конечно, тех ребят, кто пришёл с боевого задания. Называлось это построение – оперативное информирование. Рассказывал об обстановке в Чечне и в стране. Надо было всем и в глаза посмотреть, почувствовать настроение людей. Очень важно было чувствовать настроение. Мы понимали, что у офицеров не должно быть на лицах уныния. Да его и не было. Если солдат увидит, что офицер унылый, то и ему это передается.

Даже не принимая участия в боевых действиях, просто нахождение в боевой обстановке – и то человек очень устаёт. Всё время были в движении, в напряжении, не было возможности расслабиться. Особенно усталость появляется, когда долго стоишь на месте. Когда человек чем-то занят – усталости нет.

Александр Ступинин, старшина 1-й разведывательной роты, старший прапорщик:

– Начались боевые выходы... Когда продвигались по хребтам, рота шла в охранении – по бокам колонны пехоты. Мы часто выделяли бронегруппы спецназу, у них техники своей не было.

Люди собираются на БЗ (боевое задание – авт.) с вечера. Моё дело было – обеспечить разведгруппы боеприпасами, продуктами. Выезд обычно назначался на 5 или 6 часов утра. Строить никого было не надо. Задачу знали с вечера, инструктаж – с вечера. Все всё знали. Уходили обычно на сутки. Возвращались – уставшие. Механы (механики-водители – авт.) сначала ко мне в прицеп, к старшине. Рассказывали, как прошла разведка. У меня всегда было – наводчикам и механам налью по 100 граммов, стресс снять, покушать тут же. – «Всё, старшина мы спать легли». А выпить брали у вертолётчиков, по двадцать рублей всегда можно было

водки найти. Бутылку выпьешь – ни в одном глазу, градусов двадцать всего. А контрактники ко мне в прицеп никогда не заходили. Если они выпивали – ругался.

Из журнала боевых действий батальона:

«... Установлено активное движение автотранспорта между Алхан-Юрт и Шаами-Юрт, как в дневное, так и в ночное время... Обнаружена группа боевиков и опорный пункт. Работа оптических приборов отмечена в квадрате 90551... Вызвали огонь артиллерии по обнаруженным двум огневым точкам... Захватили боевика, устанавливавшего растяжку с гранатой...»

Первые встречи с чеченцами... Каждому из российских солдат она запомнилась по-своему. Была и такая...

«Подрасту – пойду вас убивать...»

Александр Соловьёв, командир разведывательного десантного взвода, старший лейтенант:

– Ехал впереди колонны, сопровождали танки и пехоту, растянулась она сзади на километр. Задача была – не допустить нападения. В деревне подъехал к ближайшему дому, бойцы с брони пошли «зачищать» село. Я остался на броне, связь держал с батальоном. Подходит мальчишка, ростом с автомат: «Слышь, командир, а это у тебя «Стечкин».

Как он узнал, что я командир – на мне не было погон! Как он узнал, что у меня «Стечкин» – многие офицеры не знали! Этот пистолет выпускали только для танкистов, но его сняли с вооружения. Пистолет было не видно, он под мышкой, в кобуре, и этот мальчишка – по пропорциям, по очертаниям – определил марку пистолета. – «А откуда ты знаешь про такой пистолет, что это «Стечкин»? – «У моего брата такой». – «А брат где?» – «Он в горах воюет, против вас». – «Ты-то, надеюсь, не будешь воевать?» – «Не, я подрасту чуть-чуть, смогу автомат держать и тоже пойду вас убивать». – «Кто тебя так учит?» – «Как кто – мама. У меня все братья в горах, и я туда пойду!»

«Воздушная разведка не сработала...»

Александр Куклев, начальник разведки 3-й мотострелковой дивизии, подполковник:

– С 1 октября силами западной и восточной группировок была начата специальная операция по освобождению центральной части Чечни. Северная группировка была привлечена для выполнения задачи по обеспечению контроля на освобождённой территории и оборудования оборонительного рубежа по левому берегу Терека (сторожевые посты с зоной ответственности 2—5 км).

84-й орб обеспечивал продвижение части сил Западной группировки по Терскому хребту. 8-го октября разведывательный отряд от 84-го орб, двигаясь по гребню Терского хребта в восточном направлении (в сторону Грозного) в районе отметки 467,8 вскрыл подготовленный опорный пункт противника, завязался бой. Параллельным маршрутом вдоль северного подножья хребта вёл разведку разведдозор 245-го мотострелкового полка, который попал в засаду практически одновременно с отрядом. В ходе боя разведдозор был уничтожен противником. Разведывательный отряд, связанный боем на гребне, не имея возможности совершить манёвр в кратчайшее время для оказания помощи, получил задачу закрепиться на достигнутом рубеже и приступить к эвакуации погибших и раненых из состава разведдозора 245-го полка. Это первая трагическая ошибка в тактике применения разведывательных подразделений. Нельзя было отправлять разведчиков в одиночку. За ними должны были идти мотострелковые подразделения, крушить всё на своём пути. Никто не знал, что на хребте опорные пункты. Вернее, мы ожидали, что они должны быть. А что же авиация? Хрена лысого! Сами ищите! Воздушная разведка не сработала. Или у командования не хватило ума? Необъяснимо.

Владимир Самокруткин, командир батальона, подполковник:

– На Терский хребет первыми полезли вторая разведрота нашего батальона и разведрота 245-го полка. Мои разведчики во главе с начальником разведки дивизии подполковником Куклевым шли по верху хребта, когда разведка 245-го нарвалась на засаду. Они проверили кошару, «духов» там не было, а стали уходить – выстрелы в спину – из пулемётов, гранатомётов. И мои как раз наверху на засаду напоролись, «духи» здесь связали моих разведчиков боем, чтобы те не могли помочь пехоте. Но офицеры быстро сориентировались, открыли огонь из БМП на поражение, прикрыли пеший дозор разведчиков. Наши с хребта спустились к пехоте, чтобы её выручить.

И первые погибшие товарищи...

*Был пацан
И нет пацана...*

«Смотрю на убитых...»

Евгений Липатов:

– Шли по Терскому хребту, колонной, и – засада «духовская». На головной БМП сидел лейтенант Иванов, наш взводный: «Стрельни-ка по зелёнке!». Стрельнули, только хотели ехать, и «граник» (выстрел из гранатомёта – авт.) из зелёнки летит – свистит в воздухе. Все давай за «бэхи» прятаться. Заряд в пяти метрах упал, одного парня посекло осколками... Лейтенант Миронов залез в «бэху», наводчика выкинул, и давай сам шмалять по зелёнке. Мы разлеглись за БМП, а внизу пошла пехота. Внизу кошара стоит, видно было, как там «духи» бегают, две бронемашинны наших – за ними. Эти «духи» смылись в зелёнку, стали горку обходить и попали в засаду.

Старший лейтенант Хамитов две машины берёт, мы залезаем на броню, и туда, вниз спускаемся. Подъезжаем – эти «бэхи» пехоты горят, уже обуглились, в броне одной – дыра здоровая, вторая без башни стоит. Пацаны из пехоты ходят вокруг, что-то собирают. Я подошёл: «Что собираете-то?» – «Что найдём – оружие...»

Олег Шустов, старший техник 2-й разведывательной роты, прапорщик:

– Мы вели за собой пехоту по Терскому хребту. Впереди майор Валерий Агеев ехал, начальник разведки танкового полка, я на последней машине. Агеев увидел впереди по бокам зелёнку и остановился, на всякий случай обстрелял её и оттуда – шквал огня по нам. Мы шли по верху хребта, а по низу – пехота 245-го полка, с ними танк и БМП. Мы встали, нас огнём «духи» не достают, но слышим, как нашу пехоту внизу бьют. Старший лейтенант Хамитов развернул 2—3 машины, поехали по хребту вниз, в обратном направлении. Приехали, а в 245-м уже потери. Пехота на нас накинута: «Где вы были?»

Евгений Липатов:

– Спрашиваю пехоту: «А что было-то? Как получилось-то?» – «У них танк в зелёнке был. Выехал и обе наших «бэхи» расхерачил». Тогда я понял против кого мы воюем – у них и танки, и «бэхи». Лейтенант подошёл: «Давайте грузите пацанов-то, убитых...». А они все так искорежены – не знаем, за что их брать. Лейтенант нам: «Берите, берите...». Взяли с «бэхи» плащ-палатку, одеяло, и на мою машину двоих погрузили, и на вторую двоих. Смотрю на убитых пацанов: «Попали мы...». Убитых увезли в пехоту, где они располагались. Тут и вертушка наша подлетела, начала зелёнку обстреливать, по ней в ответ «духи» с земли из ЗУшки...

Олег Шустов:

– Собрали убитых, человек пять. Некоторые убитые были без рук, без голов – от попадания выстрелов из гранатомётов. Загрузил их на броню, и отправили в пункт постоянной дислокации. А «духи» после обстрела колонны пехоты сели на «КамАЗ» и уехали.

«Зато уж точно не отступят!»

Сергей Тиняков, командир взвода роты радиоэлектронной разведки, старший лейтенант:

– Поездили мы так неделю. Остановились под Горагорским, видим – впереди пехота стоит: оборванная, брошенная, голодная, без дров. К ним раз в неделю приезжали, сбрасывали с машины мешки – крупа, горох, тушёнка. БМП у них стояла без топлива. Зато уж точно не отступят!

Чеченцы ходят под хребтом, ветками трещат. Наша пехота утром просыпается – начинается контрольный прострел местности. Патронов у них было немеряно. Косят из ПК кустарник, всё скосил перед собой, новую ленту вставил – снова косить. И так каждые полчаса.

Хроника событий:

02.10.99 г.: И. Сергеев впервые официально заявил, как будет создаваться «зона безопасности» в Чечне: углубление российских войск в Чечню будет совершаться медленными темпами; будет ли входить в буферную зону Грозный – зависит от ситуации в Чечне.

15.10.99 г.: Ельцин назначил Н. Кошмана полномочным представителем правительства России в Чеченской республике в ранге вице-премьера. Это означает, что Москва в одностороннем порядке отменяет действие Хасавюртовских соглашений об «отложенном статусе» Чечни и вводит прямое президентское правление на контролируемой федералами территории.

Из наградных листов:

...4 октября в районе Капустин была обнаружена работа радиостанции противника. Туда была направлена разведгруппа от разведывательной десантной роты во главе со старшим прапорщиком А. Сергеевым. Во время движения группа попала в засаду, БТР наехал на мину, были повреждены два колеса. Старший прапорщик Сергеев вывел группу из-под огня, в бою лично уничтожил двух боевиков. Рядовой Н. Никулин открыл огонь из КПВТ (крупнокалиберный пулемёт Владимирова танковый – авт.), подавил огневую точку противника, чем обеспечил выполнение боевой задачи разведгруппы.

...6 октября ротой радиоэлектронной разведки была обнаружена работа радиопередающего устройства. В этот район была направлена разведгруппа под командованием капитана Александра Гагарина, командира разведдесантной роты. Задача была выполнена. Убито 5 бандитов, двое взяты в плен.

...8 октября в районе Комарово разведгруппа была обстреляна противником с фермы. Разведгруппа с пулемётчиком рядовым Романом Мисюрой выехала на помощь и открыла огонь по бандитам. Рядовой Мисюра лично уничтожил двоих боевиков, чем обеспечил отход разведдозора.

...8 октября: ...2-я разведрота действовала в районе отметки 465. Рядовой А. Касатов первым заметил движение в кустах и открыл огонь, чем сорвал внезапное нападение на разведгруппу. Колонна успела перестроиться из походного в боевой порядок. Представлен к медали «За службу Отечеству».

...Рядовой Дмитрий Степанов, наводчик оператор БМП 2-й разведроты, действовал в составе группы по разведке маршрута 245-го мсп в районе отметки 465,8. Разведдозор обнаружил засаду на оборонительной позиции противника. Разгорелся бой. БМП заняла позицию, и рядовой Степанов открыл огонь по подразделению НВФ, чем обеспечил отход разведдозора к основным силам. Представлен к медали «За службу Отечеству».

...Лейтенант Сергей Иванов, командир взвода 2-й разведроты, возглавляя разведдозор, в районе отметки 461,8 обнаружил засаду противника и принял бой, который вёл до под-

хода основных сил роты. Лейтенант Иванов с риском для жизни предотвратил нападение на колонну 245-го мсп, чем предотвратил потери личного состава и техники. Представлен к медали «За отвагу».

...Командир роты развернул основные силы для прикрытия отхода дозора. Старший прапорщик Абрый Мирзоев, невзирая на опасность, прорвался к дозору, проявляя мужество и умение, вёл огонь, не давая возможности противнику вести прицельный огонь по дозору. Затем отошёл вместе с дозором к роте. Представлен к медали Суворова.

...При разведке маршрута одна из разведгрупп попала в засаду. При резком маневре у БМП слетела гусеница. В ходе боя под огнём прапорщик С. Кирилин начал ремонт БМП, чем исключил потерю боевой машины. Уничтожил одного боевика. Представлен к медали Суворова.

...Разведдозор вёл разведку маршрута 245-го мсп и обнаружил засаду противника. Начался бой. В ходе обстрела лопнул трак на машине командира роты старшего лейтенанта Хамитова. Невзирая на обстрел противника, прапорщик Олег Шустов заменил трак и с водителем ефрейтором К. Сорокиным вывез двоих раненых и четверых убитых солдат 245-го мсп.

...9 октября разведдесантная рота совершала марш в районе Комарово. Прапорщик Алексей Трофимов, старшина роты, передвигался на БТР-80 с прицепом имущества роты. В ходе движения произошла поломка БТР, машина встала. Колонна ушла вперёд. Через 20 минут со стороны фермы по машине был открыт огонь. Выстрелом из РПГ был подожжён прицеп. Отцепив его, прапорщик Трофимов отвёл машину в укрытие и открыл ответный огонь. Вёл бой до подхода подкрепления. Спас машину и экипаж. В ходе боестолкновения лично уничтожил двоих боевиков.

Комментарий:

Алексей Трофимов:

– Нас здесь было несколько человек. Для пацанов это было событие, первый бой, и тяжело, а мне – как-то нормально показалось. Угрозы жизни не было, страха не чувствовал. Действовал, как положено, надо было сохранить машину и экипаж. Профессионалы со стороны бандитов в таких стычках не участвовали. Но чем дальше, тем больше стали понимать, что противник – это были профессионалы, чувствовалось по их действиям. Хорошо были подготовлены.

...10 октября разведгруппа под командованием капитана Андрея Середина вела разведку в район Комарово и попала под миномётный обстрел, который вёлся с фермы. Одна БРДМ была повреждена. Капитан Середин дал команду на отход на противоположные скаты высоты. Обеспечивая отход группы, огнём из пулемёта отбил нападение бандитов.

...12 октября по приказу командира батальона старший лейтенант Александр Хамитов, командир 2-й разведроты, был назначен командиром разведотряда для ведения разведки маршрутов прохождения колонн с техникой. При подходе к высоте 465,8 головной дозор разведотряда обнаружил засаду противника, который открыл шквальный огонь по разведдозору. В ходе боя старший лейтенант Хамитов организовал прикрытие и лично руководил выводом разведдозора из-под обстрела. Затем занял выгодную позицию для ведения огня и нанёс ответный удар. В течение 30 минут боя боевики были выбиты из опорного пункта. Колонна не попала в засаду, не было подрывов техники на минах. Представлен к ордену Мужества.

...12 октября для ведения разведки маршрутов рядовой Максим Стулов, разведчик-пулемётчик, был назначен в разведдозор. При подходе к высоте 461,8 дозорное отделение обнаружило засаду. Противник открыл огонь из стрелкового оружия и миномётов. Рядовой Стулов прицельным огнём из пулемёта подавил огневые точки противника, обеспечивая отход дозор-

ного отделения к основным силам роты. Увидев, что ранен товарищ, прикрыл его огнём, дал ему возможность перевязать рану. Вёл бой до подхода основных сил разведотряда, после боя помогал эвакуировать раненых. Представлен к медали Суворова.

Из журнала боевых действий:

«13 октября командующим группы войск «Запад» была поставлена задача провести разведку в направлении отм. 530,7 на северо-западной окраине Грозного. Разведка велась под командованием старшего лейтенанта Хамитова А. Р. и старшины Чеботарёва Я. И. При подходе к отметке 409,4 разведывательный дозор был обстрелян из стрелкового оружия и миномёта. После подхода основных сил разведывательного отряда и подразделений 423-го мсп группа НВФ отошла в юго-восточном направлении. После того, как основные силы 423-го мсп закрепились на отметке 409,4 (1141), разведывательный дозор продолжил ведение разведки в направлении отметки. 530,7 (1631).

Выполнив поставленную задачу, обе группы вернулись в район расположения батальона. Потеря личного состава и техники нет».

Из наградных листов:

...13 октября лейтенант Михаил Миронов, командир взвода 2-й разведывательной роты, вёл разведку местности по маршруту выдвижения 423-го мсп. На отметке 409,4 заняли круговую оборону, так как обнаружили подразделение НВФ. Получив сообщение, что лейтенант Виктор Орлов с разведгруппой занял круговую оборону и вступил в бой, лейтенант Миронов, невзирая на обстрел противника, смог пробиться на высоту 409,4 и усилил своей разведгруппой группу лейтенанта Орлова, чем оказал содействие в удержании высоты до подхода пехоты. Представлен к медали Суворова.

...Лейтенант Виктор Орлов, командир взвода 2-й разведроты, вёл разведку маршрута 423-го мсп и первым занял высоту 409,4. Группа была обстреляна боевиками. 13 и 14-го октября разведчики отбили две атаки противника при поддержке миномётов. Стоял на высоте до подхода нашей пехоты. Представлен к медали Суворова.

...15 октября разведгруппа спецназа попала в засаду. На помощь были направлены четыре группы, одной из которых командовал старший прапорщик А. Сергеев. Вступил в бой, обеспечил выход из окружения группы спецназа. Сергеев уничтожил гранатой пулемётный расчёт противника.

...19 октября рядовой Дмитрий Ярошенко, наводчик-оператор БМП в составе бронегруппы прикрывал действия разведгруппы лейтенанта К. Кузнецова. Когда группа попала в засаду, рядовой Ярошенко не растерялся и, правильно оценив обстановку, в условиях плохой видимости точным огнём вооружения БМП-2 прикрыл действия разведгруппы, чем помог её отходу. Представлен к медали Жукова.

...20 октября разведдозор под командованием капитана Середина в 4 километрах северо-западнее Серноводска обнаружил до 20 боевиков. Начался бой. Разведдозор был отрезан от основных сил роты. Капитан Середин организовал круговую оборону, умело руководил боем до подхода основных сил, проявил при этом образец стойкости и мужества. Лично уничтожил троих бандитов. Обеспечил отход группы из-под огня. Представлен к ордену Мужества.

...Когда разведдозор был отрезан от роты, капитан Гагарин повёл роту на помощь окружённому разведдозору, обеспечил его выход из боя. Рота уничтожила в этом бою 7 бандитов, остальные отошли в Серноводск.

...Когда бандиты пытались отрезать разведдозор от основных сил роты, на помощь разведдозору был направлен БТР-80, в котором находился рядовой Никулин. БТР вышел во фланг противнику, рядовой Никулин открыл огонь из пулемёта и уничтожил двоих боевиков.

...Старший лейтенант Александр Базов, зам. командира 1-й разведроты по воспитательной работе, командовал бронегруппой, которая действовала в интересах роты 15-го мсп. Получив приказ выдвинуться в район перекрестка дорог, где был обнаружен противник, старший лейтенант Базов приказал бронегруппе развернуться в боевую линию, занял оборону и открыл отсекающий огонь. В результате две разведгруппы вышли из боя без потерь. Экипаж его машины уничтожил расчёт АГС (автоматический гранатомёт станковый – авт.) противника.

...24 октября старший прапорщик Ступишин при доставке пищи личному составу был обстрелян группой боевиков, открыл ответный огонь и уничтожил двоих бандитов. Доставил пищу по назначению.

Комментарий:

Александр Ступишин, старшина 1-й разведывательной роты, старший прапорщик:

– На войне только дурак не боится. Страшновато было. Но никакого геройства здесь не было. Нужно было сделать дело, вывести технику и чтобы никто не погиб.

Боевые будни

Яков Чеботарёв, командир разведывательного взвода наблюдения, старшина:

– Если была передислокация батальона или вызывают в штаб группировки – командир отдавал приказ, и я на одной или двух БРМ шли в разведку. Бывало, ночевали по несколько суток в горах, как, например, под Первомайским. На разведку ходили одной машиной, в основном во главе со мной. В такой группе были – водитель, стрелок-радист и десант, несколько человек, без прикрытия пехоты. Задача – наблюдение, а потом по нашим данным посылали пешую разведку, уточнять обстановку.

Вот записи из моего дневника: «15 октября. Под Первомайским. Утром в 4:00 подошла разведка из Кантемировской дивизии, в 13:00 – два танка, БТР и БРМ. Продвинулись вперёд на 600 метров и встали на вершине. Впереди, в 3—4 километрах, до двухсот боевиков, готовят вылазку. Действуем вместе с „Марио“ – разведкой Кантемировской дивизии. В 21:30 усилили наблюдение. Должны были наши пойти в атаку. Ночью видели огни машин у Первомайского. 16 октября. Вечером нам привезли воду, по кружке на человека. Ночь прошла относительно спокойно. Под утро начался очень сильный ветер, дождь. В 8:40 дождь перестал, но ветер не стих. Очень холодно. Дров практически нет. Ждём подхода остальных сил и тыла. В 9:30 по нам начали миномётный обстрел. В 9:55 засекли точки, кто стреляет. В 11:05 открыли ответный огонь».

У нас на БРДМ была пушка «Гром». С нами недалеко была ещё вторая рота Хамитова, они тоже стреляли. Я как раз с горы спустился, в это время боевики и начали обстрел. Одна мина легла, вторая. Я ещё повернулся: «Не стреляйте, свои!». А когда мина упала метрах в пяти, понял, что огонь ведёт противник, крикнул, чтобы бойцы оттянули машину за дорогу.

Далее из дневника: «Привезли немного дров, воды по полтора литра на человека, горячей пищи. В 13 часов начали вкапываться в землю».

Первое время бойцы окопы рыли по пояс, а после первого обстрела начали окапываться по-настоящему. Машины закапывали почти полностью, хотя грунт был очень плотный.

«В это же время вели наблюдение за Первомайским, это пригород Грозного. Взрывы мин от нас были примерно в 30—40 метрах. В 13:10 начался сильный туман и изморозь. Нужно продержаться ещё сутки до подхода основных сил. Стояла с нами вторая рота, все машины примерно метров в 50 друг от друга. Вечером усилили наблюдение. Видели большое движение машин. С командиром второй разведроты Хамитовым спустились вниз, изучили направление, откуда по нам вели огонь, было четыре разрыва. Между кошарами была зелёнка. Оттуда они и стреляли. По разрывам определили направление. Ночью, около 2 часов, начали обстрел из „Грома“ двигавшейся из Грозного машины».

За эту уничтоженную цель, а в том «КамАЗе» был миномёт – получил потом медаль Суворова. Ствол миномёта боевики утащили, а плиту и бронежилет бросили.

Из наградных листов:

...13 октября разведывательный взвод наблюдения роты под командованием старшины Якова Чеботарёва выполнял задачу по ведению разведки местности. На отметке 409,4 взвод был обнаружен боевиками НВФ, занял круговую оборону и удерживал её до подхода основных сил 423-го мсп.

...16 октября в 10:10 был замечен грузовой автомобиль, из кузова которого из миномёта был открыт огонь по БМП-1 №371. Быстро сориентировавшись, старшина Чеботарёв вывел автомашину из-под обстрела и, заняв выгодную позицию, открыл огонь из пушки «Гром» и уничтожил миномётный расчёт противника, сохранив тем самым жизни личного состава взвода. Представлен к медали Суворова.

Яков Чеботарёв:

– Снова из дневника: «17 октября. В 15:00 доели остатки пищи. Принесли из болота воду, бросили таблетки, сварили обед. Из батальона обещали привезти пищу, но пока никто не прибыл. В 15:00 прилетел командующий генерал Шаманов. Посмотрел обстановку. Выяснили, что справа от нас „духи“, впереди тоже».

Слева должны быть наши войска, но они обстреляли друг друга. Чеченцы тоже обстреливали своих, которых заметили в низине, думали, что это мы. Мы стоим на хребте. Наши выстрелы до них не долетают. Попросили артиллеристов помочь огнём, но они не стреляли. Командующий обещал разобраться, почему. Обещал завтра прислать спальники. Чеченцы делают блиндажи, маскируют их под бугор. С подходом наших – открывают ниши, и бьют из пулемётов. Через наши позиции на Грозный прошла группа спецназа, потом узнали, что погибли пять человек – четыре прапорщика и старший лейтенант. У чеченцев на этом участке здорово работал снайпер, прикрывали его до двадцати человек – гранатомётчики, пулемётчики – отвлекают огнём наше внимание на себя, а он бьёт со стороны.

Снова из дневника: «18 октября. Нас сменила пехота, ушли в батальон. Хорошо поели после нескольких суток наблюдения».

Вообще кормили нас хорошо. Перебои с доставкой пищи бывали, но кормили нормально. Старшины старались. Помню, старшины рот Ступишин, Абруй Шойкулович Мирзоев, (кстати, правоверный мусульманин, отец двоих детей, поехал с батальоном, не колеблясь), стремились накормить людей в любой обстановке. А наш взвод был маленький, в отношении питания сидели к кому-нибудь «на хвост».

«Подразделения обеспечения работали, как часы...»

Александр Хамитов, командир 2-й разведывательной роты, старший лейтенант, Герой России:

– Хорошо, что батальон в этой кампании был в полном составе. У командиров не было заботы ни о тыле, ни о боеприпасах. Все подразделения обеспечения работали, как часы. Поэтому когда кто-то начинает говорить о том, что на кухне не совершают подвигов, я хочу с ним поспорить. Может, и не с автоматом кто-то бегал, но он заботился о людях, о том, чтобы они после боевых заданий могли отдохнуть, покушать нормально – и это тоже поступок. Таким был и есть старшина роты старший прапорщик Мирзоев – когда мы пять суток сидели на высоте у Первомайского, пища закончилась, вода – закончилась, дров там вообще не было, он привез всё, что надо, один на БМП погрузил еду, воду, дрова и привез всё это. А ему, между прочим, было уже 50 лет, мог дома сидеть, никуда не ездить.

Старший техник роты – прапорщик Олег Шустов, работал день и ночь с техникой, в холод, в темноте. Как только машины пришли на базу – он уже с механиками. Делали за сутки ремонты, которые в мирной обстановке растягивались на недели.

Но больше всего слов благодарности заслуживают мои солдаты. Я не могу назвать ни одного, кто подвёл бы роту, потому что подвести – означает на войне лишить возможности вернуться домой.

«Ведро воды хватало, чтобы помыться...»

Александр Ступишин, старшина 1-й разведывательной роты, старший прапорщик:

– Мы переезжали с места на место раз 20. Только обосновались – поставили палатки, приказ: сворачиваемся! Ночевали и под прицепами.

С водой – всегда был напряг. Банку тушёнки открываешь – пылища, колонну можно определить по столбам пыли, она стоит и не оседает, так эта тушёнка изо рта вываливается – так пить хочется. Однажды нас спасла бахча с арбузами – накидали в «бэхи». Выкопали в расположении роты погребок, я туда их сложил, и потом выдавал бойцам по арбузику.

Я у себя в прицепе баньку организовал. Ведро воды хватало, чтобы человеку помыться полностью. У нашего техника роты «бэтры» (вши – авт.) завелись, у меня – нет. Бельё мог стирать каждый и сам, как хочешь, так и меняй. Белья было – во! (показал по горло – авт.). Кто сам стирал – у того «бэтров» не было, а если берёшь его вроде бы свежее из общей кучи – поймаетшь вшей, потому что бельё не пропаривали. Где их там было взять, в Чечне, эти утюги, чтобы пропаривать...

Из армейских перлов:

– *Вопрос с баней решён – бани не будет.*

– *Бельё вы получите такое же белое, только синее.*

Из наградных листов:

...5 и 9 октября по результатам работы взвода радиоэлектронной разведки старшего лейтенанта Сергея Тинякова были установлены скопления боевиков. Боевики были уничтожены.

...Младший сержант Дмитрий Белоконев, начальник радиопеленгатора взвода радиоэлектронной разведки роты радиоэлектронной разведки, в ночь с 17 на 18 октября, находясь на боевом дежурстве, выявил неисправность аппаратуры радиоразведки, силами дежурной части быстро и качественно её устранил, что позволило выполнить задачу по радиоперехвату и пеленгованию радиосетей управления НВФ. Четкие и умелые действия младшего сержанта Белоконева обеспечили добывание важной разведывательной информации о противнике и способствовали оценке обстановки и принятию своевременного решения в реальном масштабе времени. Представлен к медали Жукова.

...17 октября в 23:15 сержант Акимов доложил старшему лейтенанту Тинякову о передвижении боевиков в районе обороны роты радиоэлектронной разведки. Старший лейтенант Тиняков умело организовал оборону, обеспечил отражение нападения противника. В бою были убиты двое бандитов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.